САМАЯ
СТРАШНАЯ
КНИГА
Александр Подольский
КОЛУМБАРИЙ

Самая страшная книга

Александр Подольский

Колумбарий

«Издательство АСТ»

2009–2017, 2020, 2021, 2023

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Подольский А. А.

Колумбарий / А. А. Подольский — «Издательство АСТ», 2009–2017, 2020, 2021, 2023 — (Самая страшная книга)

ISBN 978-5-17-154773-8

Прах к праху, а история к истории. О том, что в каждом обиженном ребенке скрывается монстр. О том, что Дед Мороз – не тот, кем кажется. О кровавых играх на выживание и демоническом кинотеатре. Об ужасах, таящихся в метро, под землей, под толщей воды, в стенах старых домов, в русских народных сказках, японском фольклоре, в степях Казахстана, в Южной Америке, на тибетском высокогорье и где-то далеко-далеко за пределами нашего мира… Прах к праху, история к истории – страшные, странные, удивительные, фантастические. Добро пожаловать в «Колумбарий» Александра Подольского.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-154773-8

© Подольский А. А., 2009–2017, 2020, 2021, 2023
© Издательство АСТ, 2009–2017, 2020, 2021, 2023

Содержание

Об авторе 6
Коллеги об Александре Подольском 7
День рождения Машеньки 8
Подколодные 14
Земляной 23
Кап-кап 25
Ненужные 29
Ветки 36
Мешок без подарков 46
Тесто 51
Повелители мелков 54
Пазл 58
Конец ознакомительного фрагмента. 65

Александр Подольский
Колумбарий

© Александр Подольский, текст, 2023
© Валерий Петелин, обложка, 2023
© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Об авторе

Александр Подольский начал сочинять страшные и странные истории после того, как чуть не погиб под колесами поезда. Писатель, журналист, член Ассоциации авторов хоррора, один из основателей вебзина DARKER и создатель популярного конкурса «Чертова дюжина». Произведения Александра публиковались в периодических изданиях России, Украины, Беларуси, Германии и США, антологиях серии «Самая страшная книга» и других. Озвучки придуманных Подольским историй прослушали больше миллиона человек только на YouTube!

Добро пожаловать в «Колумбарий» Александра Подольского.

Коллеги об Александре Подольском

«Ни заядлый скептик, ни самый опытный читатель хоррора не смогут избежать чар Подольского».

Максим Кабир, писатель

«Фантазией Александра Подольского нельзя не восхититься».

М. С. Парфенов, писатель

«Все, что мы так любим в русскоязычном хорроре, – это Подольский. Колоритные деревеньки, характерные персонажи, знакомые всем с детства локации и осязаемый ужас вокруг. Узнаваемое, родное, страшное».

Александр Матюхин, писатель

«Говорим: Подольский, подразумеваем: хоррор высшей пробы».

Дмитрий Костюкевич, писатель

«Ужас в историях Подольского – как холодная черная трясина, готовая в любой момент поглотить расслабившегося читателя».

Анатолий Уманский, писатель

«Хоррор Подольского многолик и многообразен, он норовит залезть под кожу и остаться там даже после того, как перелистнешь последнюю страницу».

Елена Щетинина, писатель

День рождения Машеньки

Если бы той ночью кто-нибудь оказался на лесной полянке, он бы увидел очень странную картину. На траве под высокой березой сидела маленькая девочка. Две рыжие косички, легкое платьице, гольфы и сандалики. В таком виде хорошо гулять жарким летним днем, играть с подругами в куклы во дворе и бегать на речку бросать камушки. Но в ночном лесу нужна совсем другая одежда. Да и вообще ночной лес – не место для одиноких маленьких девочек.

Девочка едва дышала, в распахнутых глазах отражался лунный свет. Но самым странным было то, что в надутом животе девочки что-то ворочалось, будто устраивалось поудобнее. А изо рта ее свисал змеиный хвост.

Глеб сделал затяжку, но тут же закашлялся и передал косячок Михею. Пробормотал недовольно:

– Что это за отрава?

– Нормальная отрава. Закумаривает только в путь.

– Да ну на хер. Ты где ее взял?

– В надежном месте, не ссы. Если понравится, еще притащу.

Глеб допил минералку и швырнул бутылку в урну. Они с Михеем стояли в специально оборудованной курилке позади заправочной станции. На дворе – второй час ночи, вокруг – колыхающееся море деревьев. Машин тут и днем было немного, а сейчас и подавно. Можно расслабиться. Главное, принять бензовоз утром, а на остальное плевать. Кому приспичит заправиться в их лесной глуши, сами шланг вставят, не маленькие. А уж без копеечных чаевых Глеб как-нибудь обойдется.

– На, дерни еще, – сказал Михей, возвращая другу косячок и доставая из рабочего комбинезона шоколадку, спертую из торгового зала. – Крутая штука, поверь специалисту. Просто распробовать надо.

Глеб фыркнул, но все же затянулся. И на этот раз пошло действительно получше.

– Надеюсь, от этой заразы на измену не пробьет? Я так-то подумывал еще к Маринке пристать, скучно ей там на кассе сидеть небось.

– Нашелся приставальщик. Иди вон к бабе Лиде лучше пристань, она тебе сразу взаимностью ответит. Ну или шваброй по хребтине даст.

Глеб прыснул и толкнул Михея в плечо. Тот тоже смеялся, но бесшумно – стараясь не подавиться шоколадкой. Его глаза в ярком свете фонаря были красными, как у вампира.

Вдруг со стороны леса раздался громкий треск – такой, будто разом повалило несколько деревьев. Глеб повернул голову на шум и увидел над кронами берез вдалеке огромное пятно.

– Херасе…

Землю тряхнуло, будто сдвинулись тектонические плиты. Пятно быстро приближалось, росло, обретало контуры, пока не заслонило собой лес. Над деревьями вился гигантский крысиный хвост, воздух распарывали когти-лезвия. Покрытое черной шкурой туловище венчала голова ящерицы, упирающаяся прямо в небо, прямо в чертовы звезды.

– Ты это видишь?

Чудовище стояло на двух громадных птичьих лапах. Иглы на его спине напоминали шпили небоскребов, из пасти вылезал раздвоенный язык.

Михей выдавил из себя что-то неразборчивое, и исполинская тварь ворвалась на территорию заправки, сминая линию колонок, точно куличики в детской песочнице. Она не атаковала, а будто металась в панике, неуклюже ломая все, что встречала на пути. В лепешку превратилась пара оставленных здесь машин, лопнули закопанные в землю цистерны с бензином. По асфальту потекло топливо, запахло едким.

– Ты видишь? – повторил Глеб, не в силах отвести взгляд от чудовища, не в силах пошевелиться. Михей рядом превратился в такого же истукана.

Тварь снесла хвостом крышу магазинчика, попятилась к дороге, срывая высоковольтные провода. По асфальту скользнули искры, и бензиновая речушка вспыхнула, озаряя ночь ярким пламенем. Огонь перебросился на шкуру существа, оно заревело, упало на четвереньки и кинулось вперед. Прямо на двух заправщиков.

Перед тем как Глеба размазало по асфальту, он успел увидеть глаза. Человеческие глаза на морде ящерицы.

Девочку звали Машенька, и у нее был день рождения. Шестилетие дочурки родители решили отметить на природе и устроили шашлыки. Гостей пригласили немного: чтобы влезли в две машины. Машенькины друзья не влезли – а может, их и не собирались звать, – поэтому на празднике были только взрослые. Но Машенька не грустила, а чувствовала себя по-настоящему счастливой: все ее поздравляли, играли с ней в бадминтон, дарили подарки в красивых коробочках, угощали конфетами, вкусным-вкусным мясом и газировкой. Только вот продлилось это счастье недолго.

– Па, смотри какие ягодки я нашла! – сказала Машенька, подбежав к раскладному столу, за которым сидели гости.

– Доча, давай потом. Видишь, папа занят.

Папа действительно был занят: он постоянно курил, наполнял стаканы и ходил к машине за новыми бутылками, которые охлаждались в пластиковом ведре с водой.

– Мам, давай в прятки сыграем! – предложила Машенька, и мама вроде бы согласилась, вручив имениннице большой бутерброд и пообещав, что вот-вот начнет считать. Но, слопав подсохшие на солнце хлеб с колбасой, выглянув на полянку из-за дерева и услышав смех гостей, Машенька поняла, что ее никто не ищет. Всем было весело и без нее.

Просидев в укрытии полчаса, Машенька вновь вышла к месту празднования. Села с краю стола, надув губы и всем своим видом показывая, как сильно обижена. Казалось, вот-вот родители спросят, где она пропадала, обнимут, нальют сока, предложат интересную игру… Но взрослые ее не замечали.

– Мам, мне скучно!

Мама вздохнула, нехотя повернула голову и сказала:

– Родная, ты ведь не маленькая уже, займи себя чем-нибудь, ну. Хочешь, на планшете поиграй, он в машине лежит.

– Не хочу я планшет! Я домой хочу!

– Так, – вмешался в разговор папа, – ну-ка, без истерик мне тут. А то по жопе получишь.

От обиды у Машеньки задрожали губы. В глазах защекотало.

– А я, а я тогда… в лес уйду! И умру! И больше меня не увидите!

Папа встал с бревна, которое использовали вместо скамейки, подошел к Машеньке и взял ее за ухо. Очень больно взял. После застолий папа часто делал больно, хватая всех медвежьими своими лапами и не рассчитывая силу.

– Я тебе что сказал?! Хватит капризничать, а то в машине закрою!

– Ну, пап…

– Цыц. Веди себя нормально, не позорь нас с мамой перед гостями. Понятно тебе?

Машенька быстро-быстро закивала, стряхивая слезы с длинных ресниц, и папа ее отпустил. Она постояла так еще пару минут, надеясь, что подойдет мама, пожалеет, заступится. Но мама только покачала головой и вернулась к разговору с тетей Светой. Тогда Машенька утерла нос и медленно зашагала в сторону леса.

Алексеич выбрался из палатки по нужде. Поежился и сразу накинул штормовку – в теплом спальнике было куда комфортнее. Поверхность реки серебрилась в лунном свете, от воды тянуло холодом. Журчание волн прибавляло желания сделать свои дела как можно скорее.

Помочившись на куст дикой малины, Алексеич подошел к берегу. Пригляделся: на месте ли сети? Он собирался проверить улов утром и двинуться ниже по реке. Может, хоть там рыба будет, а то такими темпами скоро придется использовать старый добрый динамит.

Над деревьями уже занимался рассвет, и Алексеич отметил для себя, что спать осталось всего ничего. А потом до него дошло, что солнце встает с другой стороны.

Источник света был живой – он пер сквозь лес, в небо от него поднимался черный дым. Огонь пожирал нечто огромное, жуткое.

Алексеич влетел в палатку и схватил ружье. Руки тряслись, не слушались. В ноздри бил запах горелого мяса. В палатку потекла вода, и ноги обожгло холодом – это река вышла из берегов.

Он вылез наружу и уставился на встающего из воды монстра. На кошмарную нелепую тварь, будто сшитую из разных зверей. Огня больше не было, чудовище распрямлялось во весь свой исполинский рост. Вонь паленой шкуры валила с ног.

Едва дыша, Алексеич поднял ружье и выстрелил – как придется, не целясь, ведь промахнуться было невозможно. Чудовище шагнуло к нему, и земля вздрогнула. Шкура на животе монстра разошлась, выпуская щупальца, будто кишки из вспоротого брюха. Змеящиеся отростки оплели Алексеича, сдавили, и он с ужасом понял, что это гигантские черви.

Ничего другого Алексеич понять не успел, потому что кольца сомкнулись, превратив его в кровавую кашу.

Конечно, Машенька не собиралась исполнять угрозу, просто хотела проучить родителей. Пусть поволнуются. Может, в следующий раз не будут портить ей день рождения.

Она углублялась в лес, разглядывая красивые цветы и подсвеченные солнцем паутинки, которые висели над головой. Машенька то и дело оборачивалась: видно ли еще полянку? Слышны ли голоса? Может, ее уже начали искать? Машенька представила, как папа с мамой бегают по лесу и зовут ее, кричат испуганно – да так, что слышно даже в городе. От этой картины сразу сделалось веселее.

Но когда солнце свалилось за горизонт, веселье прошло. Темнота рухнула на лес в один миг – будто на небе лампочка перегорела. Усилился ветер, раскачивая верхушки деревьев. Похолодало. Машенька решила, что пора возвращаться. Мириться с родителями и ехать домой, где ждала теплая кровать с любимым плюшевым медведем.

Не без труда, но полянку она отыскала, вот только сейчас там никого не было. Ни мамы с папой, ни гостей, ни машин. Лишь мусор, оставшийся после праздничного застолья. Машенька побежала по следам колес в траве, но быстро потеряла их в сгустившемся мраке. Лес не хотел выпускать жертву.

– Мам?.. – едва слышно позвала Машенька и испугалась собственного голоса. Вдалеке захлопали крылья, кто-то зашуршал в кустах. Стали оживать тени.

Машенька прижалась спиной к березе, тревожно озираясь вокруг и прислушиваясь к каждому шороху. Не веря, что ее могли тут забыть.

– Мам? Пап?..

По щекам катились слезы. Машенька хотела докричаться до родителей, попросить прощения, но боялась привлечь тех, кто проснулся в чаще, кто ходил вокруг, пробирался сквозь деревья, ломая ветки.

Дрожа всем телом, обняв себя за плечи, она сползла по стволу березы и замерла в холодной траве. С неба на нее глядели тысячи звезд и один уродливый лунный глаз. Ветер трепал

рыжие косички и непослушную челку, продувал до костей. Лес шумел и присматривался к новой обитательнице.

Машенька тихонько плакала и вспоминала страшные сказки, в которых родители отводили своих детей в лес и оставляли там умирать. Но ведь ее папа и мама не могли так поступить. Да, они часто ее ругали, наказывали, но никогда бы не бросили. Получается, просто забыли? А когда приедут домой и обнаружат пропажу, сразу вернутся?..

Но время шло, а за ней никто не возвращался. Машенька не знала, сколько уже сидит под деревом – час, два или сто миллионов лет. Холод и страх парализовали ее, силы кончились вместе со слезами. Она больше не могла шевелиться, не могла отбиваться от поедающих ее мошек, от пьющих кровь комаров. Сердце стучало все тише и тише. Машенька умирала.

Засыпая, проваливаясь во мрак, она увидела падающую звезду и загадала желание. Мама говорила, что такое желание обязательно сбудется, это настоящее волшебство. И Машенька пожелала стать большой – хотя бы на один денечек.

Настолько большой, чтобы ее точно заметили и никогда не позабыли.

Промышленным альпинизмом Карим занимался второй год. Работы хватало, но больше всего он любил мытье окон в новом деловом комплексе. Точнее, он любил не сам процесс, а возможность подглядывать за людьми. В высоченном здании было несколько жилых этажей, где квартиры скупили городские богатеи – в том числе и богатеи с молодыми любовницами.

Квартиру на двадцать первом этаже Карим особенно ценил за панорамные окна в ванной. Не раз и не два он сквозь стекло любовался рыжеволосой красавицей в душе, которая принципиально не закрывала жалюзи. Однажды Карим сделал пару фотографий на телефон и хранил их как настоящее сокровище, пересматривая перед сном и никому не показывая. Безымянная девушка наверняка его видела, просто не могла не видеть. А раз Карима до сих пор не уволили, она не имела ничего против его визитов. Эта мысль согревала даже в те дни, когда в душе вместе с девушкой оказывался хозяин квартиры – местный депутат, похожий на перекормленного борова.

На этот раз она была в спальне – дремала в лучах рассветного солнца. Копна огненных волос рассыпалась по подушке, скомканное у края постели одеяло не мешало разглядеть стройную фигуру в майке и трусиках.

– Доброе утро, красавица моя, – сказал Карим, приложив ладонь к стеклу. Странно, но оно вибрировало.

С крыши посыпался мелкий мусор, задрожал трос. Вдалеке протяжно громыхнуло, будто начиналась гроза. Заверещали автосигнализации.

Когда по всему зданию зазвенели стекла, рыжая красавица проснулась. Не стесняясь, она подошла прямо к окну. Карим улыбнулся ей, но быстро понял, что девушка смотрит сквозь него – на просыпающийся город. И на что-то еще.

Он развернулся на тросе и не поверил глазам. По городу шагало нечто, напоминающее уродливую детскую поделку, – словно кто-то не смог решить, какую лесную зверушку слепить, и нахватал от каждой понемногу. Гигант шел вперед, а вместе с ним приходили звуки: собачий лай, гудки машин, крики.

Карим машинально достал телефон и начал снимать. С верхотуры открывался отличный вид и на чудовище, и на оставленные им разрушения, и на охваченный паникой людской муравейник.

Когда монстр оказался рядом, телефон Карима предательски стрельнул солнечным зайчиком. Голова ящерицы повернулась к висящему на уровне двадцать первого этажа человеку, а в следующий миг того вмяло в здание могучей лапой.

Карима протащило через окно, стены, холл и шахту лифта, через весь этаж, через квартиры и людей, через чужие жизни, за которыми он так любил наблюдать. Умирая в обломках

здания, Карим радовался лишь тому, что рыжеволосая красавица была рядом. Они стали единым целым, одной грудой переломанных костей. И теперь даже спасатели не смогут их разлучить.

«Впусти нас, Машенька».

Она практически не чувствовала собственного тела, зато слышала голоса внутри головы и хорошо видела все, что происходит вокруг. Даже то, как к ней подбираются маленькие тени.

– Вы – лесные жители? – прошептала Машенька. Она больше не боялась. Скорее, ей было любопытно.

«Да. Впусти нас. Нам очень холодно».

Из маленьких теней вырастали узнаваемые силуэты. Их было много, они приходили из чащи и собирались возле Машеньки.

– Я же скоро умру. И буду совсем-совсем холодной.

«Нет. Если поможешь нам, мы поможем тебе. Так делают настоящие друзья. Впусти нас в себя, Машенька».

Она посмотрела на тех, кто прятался в темноте. Рядом с ней ждали ответа мышка-норушка, лягушка-квакушка и другие обитатели леса. Почти как в той сказке про теремок, только в этот раз теремком стала сама Машенька.

– А вы меня не обидите?

«Нет. Настоящие друзья так не поступают. Впусти нас».

– Ладно, входите, – сказала Машенька, и тени бросились к ней.

Ее тело содрогалось, в рот вползали змеи и черви, забирались мыши и ящерицы. Челюсти треснули, чтобы впустить тех, кто побольше. Нёбо царапали иголки ежика, в животе вили гнезда птицы. Машенька раздувалась, наполнялась новыми зверями и насекомыми.

«Спасибо, Машенька. Нам очень тепло».

Кости с хрустом вытягивались, сквозь кожу прорастали шерсть и чешуя. Волосы на голове выпадали, на руках вырастали когти.

«Теперь мы поможем тебе, Машенька. Поможем исполнить желание. Теперь тебя заметят».

Через час то, что когда-то было Машенькой, зашагало в сторону города.

Лена проглотила очередную дозу успокоительного, но лучше ей не становилось. Да и как могло стать лучше матери, забывшей собственную дочь в лесу? Как такое вообще могло произойти?..

Она вытерла слезы дрожащими руками и еще раз проверила телефон. Игорь не отвечал. Что-то творилось со связью, Лена не могла дозвониться ни до полиции, ни до МЧС. Беспомощность убивала, уходило драгоценное время, ведь поиски нужно было начинать еще вчера.

На шашлыках они явно перебрали. Кто-то ляпнул, что обидевшаяся на папу и маму Маша поедет во второй машине – со Светкой и ее мужем. Это были друзья семьи, Маша у них неоднократно ночевала, ничего необычного. Только вот Светка была не в курсе этой ночевки и считала, что Машу забрали родители.

Лена пыталась вспомнить, когда в последний раз видела дочь. Та ходила вокруг машин, играла в прятки сама с собой и вроде бы постоянно была на виду… Как же они могли без нее уехать? КАК???

Игорь с утра рванул на ту самую полянку, а Лена осталась в квартире на случай, если Маша найдется. Но сидеть дома было невыносимо, неизвестность оказалась хуже самой изощренной пытки. В голову лезли страшные образы: ночь, темный лес, одинокая девочка зовет родителей… Лена, глотая таблетки, тихо подвывала и до крови впивалась ногтями себе в лицо. Телефон не звонил.

Она сидела в Машиной комнате, когда солнце вдруг погасло. Все потемнело буквально за секунду, словно в квартире шторы задернули. Лена перевела взгляд на окно и ахнула. На нее смотрел гигантский глаз.

Снаружи к дому привалилось настоящее чудовище. Оно долго вглядывалось в Лену, а потом запустило в комнату здоровенный коготь. Треснул бетон, на пол брызнули осколки стекла, из проломленной стены задул ветер. С улицы прилетели крики и вой сирен.

Лена заорала, срывая горло, стала отступать и упала на ковер. Грохнула входная дверь, в комнату вбежал Игорь.

– Что за…

Коготь задел потолок, и ковер запорошило штукатуркой. Стеклянным дождем осыпались плафоны на люстре.

– Что это за тварь?! – крикнул Игорь, хватая Лену и пытаясь вытащить ее в коридор.

«Тварь, тварь, тварь…» – отозвалось эхо то ли в комнате, то ли у Лены в голове.

Коготь-переросток завис над ней с мужем. В проломе вновь возник глаз. Чудовище смотрело на двух людишек-букашек, и Лена не сомневалась, что сейчас их раздавят, перечеркнут их никчемные жизни. Но коготь зацепил что-то в вещах Маши и исчез.

Немного отдышавшись, Лена набралась смелости и подошла к дыре в стене. Чудовище уходило. Оно не стало нападать, не стало рушить дом. Просто на минутку заглянуло в гости и убралось восвояси.

Лена смотрела вслед невероятному созданию и не могла отделаться от ощущения, что его взгляд ей знаком.

Этот день вошел в историю как День великана. Никто так и не выяснил, откуда взялось чудовище, но к вечеру его удалось убить. Правда, кое-кто из военных потом рассказывал, что пулеметы, ракеты и прочее оружие не причиняло монстру особого вреда, пока тот сам не стал разваливаться на части и гнить заживо. Будто разные звериные куски не ужились в одном теле.

Умирая, чудовище продолжало идти вперед – а потом и ползти, – оставляя за собой след из слизи и лоскутов смердящей плоти. В итоге он растянулся на три километра, отравив реку и превратив несколько кварталов в зараженную зону.

Город пострадал очень серьезно, зато стал настоящим магнитом для туристов. Фотографии разрушенных зданий и громадных птичьих следов облетели весь мир.

Ученые пытались подсчитать, сколько живых существ причудливым образом сплелись в неизвестном монстре, но к единой версии не пришли. Хотя правильного ответа они бы все равно не дали, ведь одно живое существо никто так и не заметил.

Если бы ночью после смерти чудовища кто-нибудь додумался подежурить у замершей навсегда головы ящерицы, он бы увидел очень странную картину. Кожа над глазами треснула, словно яичная скорлупа, и из образовавшейся дыры выбралась маленькая девочка. Это была самая обыкновенная девочка самого обыкновенного роста. Две рыжие косички, легкое платьице, гольфы и сандалики. Единственное, что было в ней необычного, – это большие и красивые крылья за спиной, как у бабочки.

Девочка осмотрелась, окинула взглядом копошащихся вдалеке военных и взмыла в небо. Ветер подхватил ее, подбросил над разрушенным городом, и крылья понесли ее прямо к звездам. В руках она держала любимого плюшевого медведя.

Девочку звали Машенька, и у нее был день рождения.

Подколодные

Змея лежала прямо у входа в теплицу. По-хозяйски грелась на солнышке и не обращала никакого внимания на подошедшего деда Славу. Тот потопал по траве, грохнул лопатой по каменной ступеньке, но ползучая гадина никак не отреагировала. Только показала шустрый язычок.

– Совсем обнаглели.

Это был уж – с полметра длиной, с привычными желтыми отметинами на голове. Пятый за неделю – и опять у теплицы. Можно было решить, что это один и тот же, если бы дед Слава не скидывал их в ведро и не относил в лесок за железной дорогой.

Змей дед Слава не любил. Особенно на своем участке.

Весна в этом году пришла рано: уже к началу апреля солнце грело по-настоящему, а не работало вполсилы. На деревьях набухали почки; сбросив снег, распрямлялись кустарники. Всюду галдели птицы, звенела капель. Природа выбиралась из кокона матушки-зимы, а вместе с ней просыпались змеи.

– Откуда вы лезете, а?

Дед Слава привычным движением сгреб незваного гостя в ведро и зашагал в сторону дома. На веранде суетилась Нинка, громыхая большими кастрюлями для засолки и прочим законсервированным с осени добром. Оно и сейчас ей не требовалось, но после семидесяти с головой у нее стало совсем худо. Много чудила, забывала самые простые вещи. Измученная хроническими болячками, мало спала и мало двигалась. Этакая барабашка в отставке: сил давно не осталось, но пошуметь в доме по старой памяти надо обязательно.

Дед Слава любил ее, хотя с каждым годом с ней становилось труднее. Но куда деваться? Жена все-таки, больше полувека рука об руку. Да и он сам, если разобраться, потихоньку превращался в такого же странного старичка.

Уж в ведре лениво сворачивался спиралью, заранее принимая свою участь. Дед Слава обогнул дом со стороны сарая и вышел к калитке. Из будки выскочил Полкан, но, поняв, что хозяин без гостинца, тут же залез обратно.

По пути к железной дороге дед Слава думал о приметах. Если встретишь бабку с пустым ведром – это не к добру. А что насчет старика со змеей? Причем уже который раз…

– Змеиный дед! – донеслось сзади.

Дед Слава улыбнулся. Так его встречали мальчишки, приезжавшие сюда на выходные и каникулы. Без компьютеров и Интернета в этой глуши им было скучно, вот и бегали они по деревне в поисках развлечений. И старик, который постоянно таскал змей в ведре, наверное, казался им кем-то вроде лешего.

Он повернулся, резко махнул ведром в сторону мальчишек, и те с радостным визгом бросились наутек. Дед Слава поглядел им вслед и зашагал дальше.

Почти все его знакомые давно умерли, а с новыми соседями отношения не сложились. Кому нужны два доживающих свой век старика? Здравствуйте, до свидания, и на том все. Их не то чтобы сторонились, но и на контакт особо не шли. Это раньше можно было в любой момент подойти к соседской калитке, окликнуть хозяина, поболтать ни о чем. Теперь же всюду высились высокие сплошные заборы, как в какой-нибудь тюрьме. Времена другие, у всех своя жизнь, свои проблемы. Чужих не надо.

Конечно, никто не мешал выпустить ужа и поближе, но, во-первых, тогда бы тот наверняка приполз обратно, а во-вторых, деду Славе были в радость эти прогулки. После выхода на пенсию он не мог найти себе места. Вставал в семь утра, как раньше, и просто бродил по участку. Да, дела в деревне всегда найдутся: забор поправить, землю вскопать, собрать в кучу листья и сжечь их к чертовой матери. Но это не то.

Вместе с работой ушло ощущение, что он кому-то нужен. Никто больше не просил выручить и выйти вместо него на смену. Никто не приезжал в гости пообедать, когда оказывался неподалеку. Никто не советовался, не интересовался его мнением, не делился сплетнями. Буквально через пару месяцев дед Слава окончательно понял, что для всех сослуживцев перестал существовать. Словно вместе с ключами от родного грузовика оставил в диспетчерской табличку «Не беспокоить».

Звонить самому гордость не позволяла, вот и проверял он старенький мобильник каждые полчаса: а вдруг Валентиныч опять ушел в запой и срочно нужен человек на знакомую технику? Первое время его изредка дергали, он с радостью бежал на работу и соглашался на мизерную оплату, снова чувствуя себя членом коллектива, но после полной смены, едва шевеля ногами, приползал домой и сразу падал спать. Все-таки возраст брал свое.

Но работа наполняла жизнь хоть каким-то смыслом. Нинка могла целыми днями смотреть свой телевизор, а вот дед Слава на стену лез от скуки. Мастерил в погребе ящики под картошку, потихоньку обновлял баню, гонял ворон, разорявших кормушки для синичек, – и все равно часами не знал, куда себя деть.

Ему не хватало обычного человеческого общения, шуток с мужиками в курилке. А вот Нинки, наоборот, стало слишком много. И если раньше ее заскоки так в глаза не бросались – все же он каждый день пропадал на работе – то теперь приходилось наблюдать их круглосуточно.

Нашествие змей внесло в распорядок дня деда Славы неожиданное разнообразие.

Помимо загорающих у теплицы ужей, были и другие. То и дело в траве мелькали темные хвосты, на дорожке к туалету лежала сброшенная кожа, а у декоративного пруда больше не квакали лягушки – всех сожрали. Нинка на днях пожаловалась, что видела гадюку прямо в доме, под кухонным столом. После этого спать она стала еще хуже.

Дед Слава перебрался через небольшую канаву по самодельному мосту и застыл между железнодорожных путей. От станции вдалеке прилетало призрачное эхо, над головой шумели провода. Тучи медленно пожирали солнце, ветер залезал под воротник плаща. Собирался дождь.

Лесополоса тянулась вдоль путей и прятала за собой пару садовых товариществ и коттеджных поселков. Дед Слава помнил эти места, когда никакого новостроя еще не было: только березовое море и большущий пруд с илистым дном, которое норовит тебя засосать. Теперь же всюду множились дачи и домики, а пруд превратился в болото с берегами из пустых бутылок и прочего мусора. Люди все здесь отравили.

Дед Слава вошел в лес, который еще не нарядился как полагается, но и по-зимнему костлявым уже не был. По выкорчеванному пню у тропинки медленно ползли два ужа, свиваясь в узел на рельефной коре.

– О, а вот и дружки твои.

Дед Слава вытряхнул ужа из ведра, и тот моментально исчез под корневищем. На земле рядом лежал мертвый мышонок – на него и нацелились две змеиные пасти. Судя по виду звереныша, его уже ели, но почему-то не переварили до конца и выплюнули. Сейчас это собирались исправить.

– Не подавитесь только, твари подколодные.

Дед Слава сплюнул себе под ноги и зашагал дальше в лес – там он оставил банки для сбора березового сока. Ближе к железной дороге пахло прогретой солнцем травой и сгнившими за зиму листьями, а вот из чащи, где до сих пор лежали сугробы, тянуло холодом.

Вдавив в землю чужой сигаретный окурок, дед Слава остановился на небольшой полянке. Это было то самое место, те самые банки, но то, что оказалось внутри… На зрение он не жаловался, в свои годы неплохо видел и без очков, только вот сейчас верить в увиденное отказывался.

Все до одной трехлитровые банки почти доверху были наполнены змеями. Десятки ужей переплетались друг с другом, жались к стеклу, ощупывали мир вокруг раздвоенными языками. И их шипение проникало прямиком в мозг, пробуждая давний кошмар.

Много лет назад, когда дед Слава был просто Славкой, они с друзьями любили гулять в Курьяновке – заброшенной деревне в пяти километрах от их собственной. Это было здорово: можно влезть в любой дом, поковыряться в чужих вещах и придумать страшные истории про хозяев, которые никогда не вернутся. Скрипучие полы и выбитые окна, оживающие в углах тени, вороны на обугленных крышах и стаи собак, рыщущие в округе, – такие места и пугали, и привлекали одновременно. В них тянуло, будто звало что-то из развалин. И дети не могли не откликнуться на этот зов.

Была в их компании и Нинка, озорная девчонка, которая с радостью поддерживала любые приключения. Обычно они не задерживались до темноты, но в тот день жуткий ливень не дал им двинуться назад вовремя. В качестве укрытия выбрали дом на окраине, травили байки и смотрели на струи дождя в сгустившихся сумерках. В такую погоду пришлось бы шагать по размытой дороге, не видя, куда наступаешь. То еще удовольствие. Мало того что промокнешь насквозь за минуту, так еще и навернуться проще простого. А с вывихнутой или сломанной ногой и к ночи до дома не доберешься.

Мальчишки пытались развести костер из обломков мебели, а любопытная Нинка ходила по дому и разглядывала узоры на облезлых обоях. Тогда-то доски под ней и треснули. Она ухнула вниз – в сырой мрак подвала, в царство паутины. Но жили там не только пауки.

Прибежав на крики, мальчишки увидели Нинку на ложе из змей. Весь пол был устлан ими, всюду извивалось и шипело. Это было самое настоящее гнездо.

Славка оцепенел от ужаса, глядя, как Нинка погружается в змеиное болото, как скользят по ней черные ленты, прячут ее от постороннего мира. Но страшнее всего был Нинкин крик. Ни до ни после Славка никогда не слышал, чтобы человек так вопил. Жутко и бесконечно долго.

Кое-как бледную и зареванную Нинку вытащили и отвели домой. Несколько дней она тряслась, не произнося ни звука, и родители увезли ее в город на лечение. Не сразу, но врачи вернули девочку к нормальной жизни, однако змеи навсегда поселились в ее голове, как черви в гнилом яблоке.

И рано или поздно они должны были выбраться на свободу вместе с заточенными в прошлом страхами.

Накормив Полкана, дед Слава зашел в дом и тяжело плюхнулся в кресло. Ноги ныли после целого дня в сапогах, в ушах гудело. Нахлынувшие воспоминания не сулили ничего хорошего.

Он провел несколько часов, гуляя по лесу и пытаясь понять, как такое могло произойти. Змеи были живыми: дед Слава потыкал палкой бесконечные темные переплетения и убедился в этом лично. Неужели гадины сами забрались в банки? Это звучало – и выглядело – очень странно, но других вариантов все равно не было.

Детвора вряд ли решилась бы так подшутить над Змеиным дедом. Его побаивались, да и собрать столько ужей – задача непростая. Нет, вариант с чьими-то проделками можно было не рассматривать. Просто этой весной что-то происходило со змеями. Уже сейчас их было слишком много – как никогда в предыдущие годы. И дед Слава чувствовал: все только начинается.

Дома было тихо, лишь на кухне урчал холодильник да в комнате Нинки привычно бормотал телевизор. Они давно жили порознь – в их возрасте так гораздо удобнее, никто никому не мешает. Правда, в последнее время и за обеденным столом практически не собирались, ведь Нинка могла целый день не вылезать из своей берлоги, активничая ночью. Барабашка и есть барабашка.

– Что смотришь? – спросил дед Слава, просунувшись в приоткрытую дверь.

В комнате жены пахло пылью, лекарствами и давно немытым телом. Лампы не горели, свет давал только выпуклый экран телевизора. Завернутую в одеяла старушку было толком не разглядеть, лишь стекла очков мерцали в темноте.

– Кино. Интересное очень, – сказала она. – Уже третий раз показывают.

На экране люди с топорами расчленяли гигантскую змею – похоже, анаконду. Разрубали ее плоть, лезли во внутренности и доставали оттуда маленьких детей. Или то, что от них осталось.

– Совсем ополоумела, старая?! Ты чего включила?!

Дед Слава подошел к телевизору и, не найдя нужной кнопки, выдернул шнур из розетки. Комната погрузилась во мрак. В звенящей тишине мерно тикали часы с кукушкой, а вот сердце деда Славы стучало все быстрее и быстрее. Ему стало тяжело дышать, он не мог повернуться к Нинке, только глядел на ее замершее отражение в большом настенном зеркале. Казалось, она даже не заметила, что экран погас.

– Наверное, четвертый раз тоже покажут. Про змей-то.

Змеи, змеи, змеи… Чертовы змеи были повсюду.

– Чтоб больше не включала дрянь эту, понятно тебе?!

Жена закивала, не сводя глаз с выключенного телевизора.

– А то насмотришься, и мерещится потом всякое.

Нинка заворочалась в одеялах, отвернулась к стене и стала водить пальцем по ковру. По ее сбивчивому дыханию было понятно: она хочет что-то сказать. То ли боится, то ли собирается с мыслями. Наконец она произнесла:

– Но они ведь правда шуршат под полом, Славушка. Из-за них я не сплю.

– Я тебе уже говорил, это просто мыши. Потравлю их, и все будет хорошо.

– Нет, Славушка. Мышей они давно съели.

Дед Слава вздохнул. Хотел в очередной раз выругаться, ударить кулаком в стену, закричать, да что толку? Нинка – когда-то бойкая и веселая Нинка – теперь обитала в своем мирке и с каждым днем становилась все дальше от реальности.

– Спи давай. Утро вечера мудренее. Завтра посмотрю, кто там тебя изводит.

Когда он устроился на диване, за стенкой вновь заработал телевизор. Сквозь неразборчивое бормотание до него иногда долетали тихие всхлипы. Нинкина ночная смена только начиналась.

Вдалеке загудел поезд, и в доме едва заметно задрожали стекла. Из-за соседства с железной дорогой это место никогда не оставалось в тишине надолго. Дед Слава вдруг представил, что ползущий сквозь ночь состав – это громадная змея, а пассажиры – проглоченные жертвы. Он покачал головой и натянул одеяло до самого носа. Нужно было поспать.

Но сон не принес облегчения, ведь этой ночью деду Славе снилось, как под домом ворочаются исполинские кольца.

Никаких следов змей в подвале он не нашел. Впрочем, как и мышей, что его удивило. Уж эти-то товарищи всегда были рядом – только успевай обновлять лотки с отравой. Но в последние дни дед Слава не слышал привычного шороха и писка, будто мыши дружно решили уйти к соседям.

Или их кто-то спугнул.

Дед Слава никогда не был специалистом по змеям, но жизнь с Нинкой вносила коррективы. Главное правило гласило: никакой ползучей живности на участке и тем более дома. Любая встреча даже с крохотным ужиком могла принести кучу неприятностей.

После того случая в Курьяновке Нинка полностью оправилась и даже не вспоминала о змеином подвале. По крайней мере, так всем казалось. Когда возмужавший Славка вернулся

из армии, их детская дружба переросла в нечто большее, и вскоре молодые сыграли свадьбу. Жить остались здесь же – сперва под крылом родителей, а потом и в собственном доме. И хотя завести детей у них не получилось – у Нинки обнаружились проблемы по женской части, – на судьбу они не жаловались. Жили не лучше, но и не хуже других. Нормально жили.

Пока прошлое их не настигло.

Дед Слава не мог точно сказать, как давно это началось. Если раньше, завидев ужа или полоза, Нинка морщилась и старалась поскорее проскочить мимо, то потом стала замирать от ужаса. Превращалась в каменное изваяние и молилась, чтобы змеи уползли восвояси. Это могло продолжаться часами: однажды вечером дед Слава, не дождавшись жены, нашел ее на полпути к дому. Она стояла у старого колодца и смотрела прямо перед собой, словно загипнотизированная. По щекам катились слезы, губы подрагивали, а рядом в мутной луже медленно скручивалась полутораметровая гадюка.

С годами ситуация только ухудшалась. Пришли кошмары и крики посреди ночи. Нинку могли испугать переплетения проводов или садовый шланг. В старости голова и без того барахлит, а уж если она забита змеями…

Теперь Нинка видела их везде.

Он как мог оберегал ее: еще в юности затыкал рты местным, которые называли Нинку Королевой змей. Прозвище приклеилось намертво, тут уж ничего не попишешь, но при Нинке оно больше не звучало. Кто же тогда мог знать, что спустя десятилетия титул змеиной королевы будет наименьшей из проблем?

На привычном месте у теплицы никого не было, и дед Слава уже обрадовался, но потом уловил движение в бочке. Змеи плавали на поверхности воды, словно водоросли или обломанные ветки в пруду. Только живые и юркие.

– Да как вы… Откуда?..

Он огляделся. Нинка сегодня не выходила на улицу: закопалась в одеяла и телевизионную программу. Значит, этой картины она не видела. Хоть какая-то польза от ее затворничества.

Вылавливать гадин по одной было неудобно, поэтому дед Слава опрокинул бочку. На поверхности он заметил трех или четырех ужей, но внутри змей оказалось намного больше. Вместе с водой в траву хлынули бесчисленные чешуйчатые твари всех размеров: от маленьких, не крупнее червя, до длинных, едва ли не двухметровых. В раскисшей земле извивались темные кольца, по ногам сновали пятнистые жгуты. Зубастые пасти пробовали на прочность резиновые сапоги.

Дед Слава отшатнулся от змеиного месива, едва устояв на ногах. По спине тек холодный пот, дыхание перехватывало. А многоголовая темная масса медленно ползла к нему, заглушая ветер протяжным «с-с-с-с-с».

Он знал, что змеи обычно не нападают первыми. Они вообще предпочитают держаться подальше от людей, атакуя, только когда им угрожает опасность. Но эти… Они вели себя иначе, чересчур активно интересуясь человеком.

– Совсем ошалели? Намазано вам тут, что ли?! А ну, пошли вон!

В висках стучала кровь, внутри все кипело. Страх смешивался со злостью. Дед Слава взял в руки лопату и разрубил одну змею пополам. Он не хотел живодерствовать, потому и носил ужей в лес, но сейчас другого выхода не видел. Ползучих гадов было слишком много.

Он перехватил черенок поудобнее и нанес новый удар. Вместе с комьями земли в сторону отлетела голова с желтыми пятнами.

– Нравится вам так? Нравится?!

В сапоги тыкались черные морды, маленькие зубки, а дед Слава продолжал орудовать лопатой. Змеиное море вокруг бурлило, шипело, осыпало его брызгами крови. Наблюдая за резней, в небе кружили вороны.

Когда все было кончено, дед Слава без сил опустился на землю. Змеиные обрубки еще шевелились и напоминали содранный скальп Медузы Горгоны. Черная кожа блестела на солнце.

– Твари… Сами же вынудили. Сами.

Голова кружилась, подкатывала тошнота.

– Твари как есть.

Он посидел так пару минут, отдышался, а потом зашагал к дому. Ополоснул руки с лицом в умывальнике и заглянул к Нинке. Нестерпимо хотелось поговорить, рассказать обо всем, но он понимал, что жене такие разговоры ни к чему. Тем более что она была полностью поглощена телевизором.

В новостях показывали репортаж о женщине, в чей рот заползла змея. Заползла – и двинулась дальше, глубже. Женщина эта решила прилечь отдохнуть где-то в горах, уснула, и тогда к ней наведалась хвостатая гостья. В итоге врачам пришлось доставать живую змею прямо из горла – кадры из операционной прилагались.

Нинка как завороженная смотрела на длинную извивающуюся тварь, извлеченную из человеческого рта, а дед Слава с трудом сдерживал желание выбросить телевизор в окно. Опять змеи? По всем каналам только они, или это Нинка их выискивает?..

Дед Слава поскрипел зубами, открыл было рот, а потом махнул рукой и вышел из комнаты жены. Он слишком сильно вымотался, чтобы устраивать скандал. Пропади оно все пропадом.

Наскоро перекусив, он пошел топить баню. Нужно было смыть с себя этот чертов день. Отскрести ошметки змей, перебить мылом запах смерти.

Печка раскочегарилась будь здоров, и дед Слава втянул ноздрями горячий воздух. Впервые за день на его лице появилась улыбка. Все-таки баня – волшебное место, все проблемы и беды уходят отсюда в землю вместе с водой. Хотя бы на время.

Дед Слава плеснул воды на камни и занял среднюю полку. По комнате поплыли клубы пара, жар обволакивал тело. Дед Слава любил вот так посидеть в тишине, хотя врачи не рекомендовали ему с этим частить. Но в парилке расслаблялись не только мышцы, а еще и мозги – разве откажешься от такого? Особенно когда у тебя в жизни творится черт знает что.

Когда жар перестал покусывать, дед Слава взял ковшик и шагнул к тазу с водой. В этот момент под ногой у него скользнула змея. От неожиданности он неловко завалился набок и упал прямиком на чугунную печку. Взвыл, отлепился от раскаленного железа и рухнул на пол, ударившись головой. Боль ошарашила, наводнила мир вокруг черными точками. Перед глазами все поплыло. Но, прежде чем окончательно провалиться в темноту, дед Слава увидел раздвоенный язык перед своим лицом. Гораздо ближе, чем ему бы хотелось.

Он пришел в себя, когда печка уже остыла. С трудом встал на ноги и выбрался из парилки. Каждое движение отдавалось болью, с правой стороны туловища будто кожу содрали. В голове стучали барабаны.

Доковыляв до дома, дед Слава тут же обработал ожоги и выпил обезболивающего. Раны были не такими страшными, как показалось вначале, но все равно ничего хорошего. Получить клеймо от собственной печки – это надо умудриться.

А все из-за проклятой змеи…

Он залез в постель и повернулся на здоровый бок, лицом к стене. Сил больше не осталось. В былые времена Нинка переживала бы, хлопотала вокруг него, но сейчас все изменилось. Дед Слава звал ее, а она так и не пришла. Зато из ее комнаты доносился тихий голос:

– Они уже в доме, Славушка… Прогони их… Прогони их, умоляю…

Дед Слава смотрел в стену, слушал непрекращающийся шепот и понимал, что боится. Он давно осознал, что Нинка сошла с ума. Возможно, это произошло еще в детстве – просто сильнее проявилось уже с возрастом. К ее бзикам он привык много лет назад и научился с ними

жить. Но он действительно боялся. И не того, что Нинка забудет выключить газовую плитку или слишком рано задвинет печную заслонку. Нет, он боялся осязаемого безумия.

Одно дело, когда про него говорят по телевизору или пишут в книгах, и совсем другое, когда оно рядышком, на расстоянии вытянутой руки. Шепчет за стенкой и переключает каналы в поисках чего-нибудь про змей.

Змеи… Про них дед Слава тоже думал. Точнее, про одну змею, ту самую. Когда он уходил из парилки, то успел осмотреться. Никого там не было.

Змея не могла спрятаться или забиться в щель – парилку дед Слава только обновил, там минимум места и все на виду, никаких схронов. За тазиком ее тоже не было. Заползти в парилку у нее бы получилось – ведь поначалу дверь была открыта. А вот выползти незаметно – нет.

Так куда же эта гадина делась?..

Дед Слава дотронулся до рта и тут же отдернул руку. Пальцы подрагивали. Нинка за стеной продолжала умолять:

– Славушка, милый, найди их, прогони, нет с ними жизни, не могу я больше, Славушка…

Сердце норовило выскочить из груди, а еще казалось, что в животе что-то шевелится. Будто кишки решили выползти наружу.

Когда обезболивающее наконец подействовало и дед Слава уснул, ему приснилась Нинка. Она раскрыла огромную пасть и пыталась проглотить его, точно питон. Вместо волос на ее голове колыхались змеи.

– Змеиный дед! Змеиный дед!

Мальчишки ждали стандартного приветствия, но дед Слава был не в настроении:

– А ну, брысь отсюда, мелюзга!

Он вновь нес змей за железную дорогу. Это стало ежедневной традицией: ведро, ползучие гады, до боли знакомый маршрут. Он ходил в лес как на работу, потому что змеи продолжали заполонять участок. А если верить Нинке, то и дом тоже. Теперь она вообще не покидала комнату. Да что там – она не покидала кровать, ведь всюду ей мерещились ужи и гадюки. Даже в уличном туалете, поэтому пришлось приспособить под ее нужды отдельное ведро.

Что-то у нее в голове окончательно лопнуло, и от былой Нинки не осталось следа. Она увязла в своем странном тревожном мире. И деду Славе иногда казалось, что змей там слишком много, поэтому они начали проникать в реальность.

Он вытряхнул ужей в траву и поморщился. Ожоги все еще давали о себе знать. В кронах берез над головой чирикали птицы, прохладный ветер обдувал лицо. Небо заволакивали тучи.

Дед Слава проверил банки для сбора березового сока – теперь они пустовали. Рядом на поляне все заросло ромашками, и он нарвал букет для Нинки. Может, вспомнит, что это ее любимые цветы. Вспомнит молодость, ухаживания и хоть ненадолго станет прежней собой.

Время клонилось к вечеру, очень быстро темнело. Первые капли дождя упали на землю, когда дед Слава преодолел железнодорожные пути. До дома оставалось всего ничего.

Он издалека услышал, как надрывается Полкан, а потом и увидел почему. У калитки стоял сосед – здоровенный детина лет сорока. Дед Слава не знал, как его зовут, но иногда с ним здоровался. Тот не жил в деревне постоянно, а приезжал с семьей в теплое время года. Можно сказать, пришлый дачник. И, судя по манере общения, друзей он тут точно не искал.

– Здравствуйте, – сказал дед Слава и протянул руку, но сосед этот жест проигнорировал.

– Ну привет. Короче, я сразу к делу. Чтобы возле пацанов я тебя больше не видел, усек? Не хрен их своими змеями пугать.

– Так я не пугаю, я ж просто…

– Усек или нет?

Дед Слава кивнул. Спорить с этим человеком он не собирался, себе дороже выйдет.

– Вот и хорошо. Спасибо за понимание.

Сосед хлопнул деда Славу по плечу и двинулся к своему дому, но на половине пути остановился и крикнул:

– Да, и завязывай этих мразей таскать из леса! Они же по всей деревне расползаются. Устроил, мать твою, серпентарий!

Сосед скрылся за своим бесконечно высоким забором, а дед Слава так и стоял у калитки, ничего не понимая. В животе вновь заворочалось. Он опустил взгляд к ведру, где лежал букет ромашек. Аккуратно двумя пальцами отодвинул цветы, открывая вид на узелки змей, на шевелящиеся кольца и дрожащие язычки.

– Господи…

Ведро упало в лужу возле калитки, а дед Слава поспешил домой.

Нинки нигде не было, а вот змеи были. На полу, у печки, под кухонным столом, в шкафу и даже на кровати. Куда ни глянь – десятки, если не сотни. Их будто равномерно распределили по дому, развесили-разложили, как елочные игрушки и гирлянды. Чтобы ни один уголок не остался без их шипения.

В деревянных рамах задрожали стекла, вдалеке загудел поезд. На небе громыхнуло, и вспышка молнии осветила погруженный в сумерки сад.

– Нинка! Нина!

Он обыскал все, но жены не нашел. Голова раскалывалась, оттуда рвалось что-то, готово было выплеснуться наружу очевидными фактами, но дед Слава не хотел их принимать. Змеиное шипение уничтожало остатки разума.

Выбежав за калитку, он огляделся по сторонам. Дождь набирал силу, размывая дорогу.

– Нинка!

Дед Слава опустил взгляд к земле и будто впервые увидел собственные сапоги. Обычные резиновые сапоги, которым уже сто лет в обед. Только сейчас на них виднелись кровь и узнаваемая рыжая глина из карьера у Курьяновки.

Следы он заметил почти сразу – большие и маленькие, двумя вереницами уходящие в темноту. Почти пять километров спустя, после указателя с названием деревни, маленькие сбивались и превращались едва ли не в лыжню. Здесь ему пришлось тащить Нинку.

Дом на окраине практически ушел в землю: крыша обвалилась, стены покосились. Но в развалины все еще можно было попасть. Дед Слава продрался сквозь заросли можжевельника, переступил через опрокинутый шкаф и оказался внутри. Пол испещряли огромные дыры, словно после бомбежки. В черном зеве подвала капала вода.

– Нинка…

Она лежала там же, где и много лет назад. Змеи оплели ее, закутали в одеяние из своих шкур. Но на этот раз Нинка не кричала, ведь была мертва. Гадюки в волосах и правда делали ее похожей на Медузу Горгону.

Дед Слава опустился на колени, и его вырвало. Он выплевывал желчь, надеясь, что вместе с ней выйдет все лишнее; все, что заползло туда против его воли и заставляло его делать страшные вещи. Но шевеления в животе прекратились, все затихло. Здесь остались только дед Слава и воспоминания, наконец открывшиеся ему полностью.

Он посмотрел на свои искусанные руки, которыми собирал змей. На кровь, засохшую под ногтями. На неестественную позу Нинки, лежащей внизу со сломанной шеей.

– Как же так…

Дед Слава, Славка, любящий муж. Он оплакивал свою жену, которой действительно хотел помочь, которую оберегал и из последних сил удерживал на этой стороне, не давая провалиться в кошмар. Но был и кое-кто другой. Тот, кто устал от десятилетий борьбы, от постоянных приступов, от страха, от змей, которые всегда рядом, всегда в голове. Тот, кто решил отпустить Нинку в мир подколодных тварей и закончить эту историю там, где все началось.

По черному небу над мертвой деревней ползали молнии, точно огненные змеи. Дождь наполнял канавы и барабанил по развалинам никому не нужного дома. Вой ветра можно было принять за чей-то бесконечный стон.

Королева змей воссоединилась со своей свитой, а в последний путь ее провожал Змеиный дед. Он думал о жутком вопле, услышанном много-много лет назад, и о том, кто на самом деле сошел с ума в тот день. На его лице не отражалось ничего.

Змеи поедали его голову изнутри, и дед лишь надеялся, что они закончат как можно скорее.

Земляной

Юля вспомнила о подземном чудовище, только когда ее похоронили заживо.

Гроба не было, поэтому пошевелиться она не могла. Холодная земля сдавливала со всех сторон. Это напоминало сонный паралич, бодрствование посреди кошмара. Сознание будто заперли в мертвом теле. Юля ослепла, провалилась в черное ничто. Совершенно беспомощная, она растворялась в пустоте и собственных мыслях.

Когда в детстве они с сестрой гостили в деревне, бабушка рассказывала о Земляном. «У него двенадцать когтистых лап, чтобы рыть. У него огромная пасть, чтобы глотать землю. Он ползает под домами людей и слушает. Когда кто-то ведет себя плохо, Земляной выкапывается. И уж если выкопался…»

Юля стала задыхаться. Как она могла забыть такое? Как могла оказаться здесь? По щекам катились слезы, сердце пробивало дорогу на поверхность – из грудной клетки, из могилы, из тьмы. Юля превратилась в ту маленькую девочку, которая обходила стороной ямы и каждую ночь в ужасе прислушивалась к звукам из погреба. Но теперь рядом не было старшей сестры, чтобы ее успокоить.

Все изменилось часа через три после захоронения. Юля вдруг поняла, что до сих пор жива. Более того, она научилась видеть на многие километры вокруг. Бесконечная система корней стала ее глазами и чувствами. Пришли вспышки. Люди, машины, города… Юля могла заглянуть куда угодно. Деревья, точно антенны, принимали сигналы с поверхности и передавали фантастически яркие образы вниз. Туда, где лежала новая хозяйка подземного царства.

Юля рассмеялась. Земля переварила ее, и проблемы ушли вместе с физической оболочкой. Загубленная карьера, неудачный брак, выкидыш – все это казалось мелочью в масштабах мира, который наконец ей открылся. Теперь она была центром планеты, ее ядром. Ей подчинялись растения и ползучая живность, она управляла течением рек, повелевала горами и холмами. Юля сама стала матерью-землей.

И тут она услышала Земляного. Краски потускнели, вернулась чернота. Затих шепот деревьев. Только чудовище рыло ход к жертве.

Юля все поняла. Земля играла с ней, заманивала в ловушку, отвлекала… Чтобы накормить выползшее из ее чрева создание.

Юля пыталась кричать, звать на помощь, но лишь зря расходовала кислород. Под ней ворочалось, в бездонную тьму осыпáлись комья грязи. Лапы скребли рядом, земля дрожала. Что-то ухватило за ногу, и Юля взвыла. Царапнуло, хлынула кровь. Много крови. Она текла подземным ручьем, питая почву, вымывая неподвижное тело из ямы, заливая глаза, рот. Юля захлебывалась, перед ней кружили алые пятна. В каждую частичку ее кожи будто ввинчивались черви. Земляной ел.

…Свет резанул глаза. Юлю раскопали, сняли маску с дыхательным шлангом и вытащили из ямы. Ее подбадривали, поздравляли, хвалили, что продержалась целых двадцать минут. Кто-то аплодировал. Юля вдохнула полной грудью, вытерла слезы и улыбнулась. Ее до сих пор трясло, онемевшие конечности покалывало, из прокушенной губы сочилась кровь. Но на душе было так хорошо, спокойно. Словно все беды действительно остались в могиле. За время под землей в Юле что-то поменялось.

– Галлюцинации были? – хитро прищурив глаз, спросил инструктор.

– Черт, да. Обалдеть можно.

– Потом расскажешь. Пойдем сестрицу твою вызволять.

Это Катя привезла ее на тренинг «Перерождение». Организаторы завлекали возможностью открыть себя заново, заглянуть в неизведанные глубины души. И многое переосмыслить.

Оказавшись в могиле (пусть даже неглубоко и под контролем профессионалов), смотришь на вещи совершенно иначе. Куче народу это помогло изменить жизнь.

Они подошли к захоронению, которое располагалось чуть дальше в лесу. Из земли торчал шланг, ребята раскидывали грязь руками, чтобы лопатой ненароком не покалечить клиента. Юле было немножко обидно, что ее вытащили из-за стонов и всхлипов, а сестра продержалась все сорок минут. Но Катя – это Катя. Она даже Земляного в детстве не боялась.

– Осторожно!

Земля просела и обвалилась. Инструктор отбросил в сторону перекушенный шланг. Это была не яма, а настоящий туннель. Стены его покрывали волосы, куски плоти, одежды. Он уходил вниз и резко загибался в сторону. Там, в сыром мраке, хлюпало и чавкало.

Земляной ел.

Кап-кап

Дом всегда был наполнен звуками. Сквозь хлипкие стены они расползались по этажам, точно невидимые крысы. Из квартиры в квартиру, из шахты лифта на чердак, из мусоропровода в подвал. Так звуки влезали в чужую жизнь.

Стас слышал соседей и понимал, что те слышат его. Он различал их по кашлю и чихам, знал любимые телеканалы и песни, был осведомлен о семейных проблемах и привычках. Дом знакомил людей, хотели они того или нет.

Чета пенсионеров снизу привычно занималась делами: гудел пылесос, шумел кухонный кран. А вот сверху творилось что-то странное. Стас не знал имени соседки, как не знал имен остальных обитателей дома, поэтому про себя называл ее Сменщицей. Неделю она работала с утра до вечера и возвращалась очень поздно. Это было время тишины. Но следующую неделю соседка оставалась дома, и тогда ее квартиру распирало от звуков. Голоса, звон посуды, музыка. Ругань или смех, хлопающая по ночам дверь или стучащая в стену кровать. Немолодая тетенька любила принимать гостей.

Около часа назад она начала двигать мебель. По полу елозило, скрежетало, с шумом падали предметы. А хозяйка плакала. Подвывала в пустой квартире, точно забытая на даче собака. Потом сверху раздался крик. Громыхнуло, будто уронили шкаф, и Сменщица затихла.

Стас сидел за компьютером, представляя распластавшийся на полу труп соседки. Нелепая поза, посиневшие губы, стеклянные глаза. Отогнать образ не получалось, наоборот – Стас начинал чувствовать какой-то нездоровый душок. Запах старости, лекарств, умирающего тела. Стас тряхнул головой и подошел к окну. Дождь стучал в стекло, барабанил по карнизу и размывал силуэт недостроенной высотки, что закрывала вид на город. Ее уродливую тушу возводили слишком близко – казалось, до раскрашенных в клетку стен можно добросить камень. Скоро там появятся жильцы, и к звукам примкнут образы. Люди будут наблюдать друг за другом, выглядывать из-за стекол, точно животные в террариуме… Стас поморщился. Открыл форточку пошире, запуская в квартиру свежий воздух и косую морось. К высотке качнулась стрела башенного крана, облила электрическим светом, и на секунду почудилось, будто в черных окнах что-то шевелится.

Бум.

Стас поднял голову на шум. Похоже, соседка пришла в себя.

Бум-бум. Бум-бум.

Звуки становились громче. Сменщица измеряла комнату шагами – слишком тяжелыми, словно разнашивала сапоги на огромной платформе. И ковра на полу у нее не было. Топот гулял от стены к стене, дребезжала люстра под потолком. Вернулись и рыдания.

Стас вздохнул и потер переносицу. Мертвой Сменщица нравилась ему больше. Он пытался сосредоточиться на сайте, который должен был доделать и сдать заказчику еще вчера, но грохот наверху этому не способствовал. Да и снизу уже черт знает сколько не замолкал пылесос. Шум не перемещался, как обычно, а застыл на месте. Будто пылесосили одну точку. Или специально заглушали другой звук. Потому что сквозь равномерный гул прорывалось странное «шурх-шурх-шурх». Кажется, старички скоблили стену.

Запах стал сильнее. На кухне Стас вытащил из мусорного ведра пакет с отходами, завязал горловину. Аромат был тот еще, но беспокоил вовсе не он. И на утечку газа это не походило. Необъяснимая вонь потихоньку заполняла квартиру.

В дверь позвонили, и Стас вздрогнул. Он никого не ждал. Не прямо сейчас или сегодня, а вообще. Гостей у него не бывало, да и сам он без особой нужды квартиру не покидал. Ему хватало своей однокомнатной зоны комфорта.

Позвонили еще раз. Одиннадцать утра, середина недели, все нормальные люди на работе. Бродить по подъезду могли разве что продавцы бесполезных товаров и впариватели ненужных приглашений. Стас вышел в коридор и, стараясь не шуметь, доковылял до двери. Прислушался. Человек снаружи звонил и в другие квартиры. Стас приник к глазку и замер. Прямо перед дверью стоял незнакомец в плаще, лицо его прятал раскрытый над головой зонт. Стас сглотнул, и этот звук вдруг показался ему чудовищно громким, настоящим пушечным выстрелом, который невозможно не услышать с той стороны. По телу пополз холодок. Стас точно знал, что никого из соседей по этажу нет дома. И не будет до самого вечера. Кажется, теперь это знал и человек с зонтом. Он больше не поворачивался к другим дверям, а ждал, когда откроет Стас. Он поднял руку к звонку, и в эту минуту в шахте загрохотал лифт. Незнакомец резко развернулся и поспешил вниз по ступенькам. Зонт он так и не сложил.

– Вот дебил… – прошептал Стас с облегчением и двинулся в комнату. Но тут услышал новый звук.

Кап-кап. Кап-кап. Кап-кап.

Он вошел в ванную и влез тапками в небольшую лужицу.

– Твою мать…

На грязно-желтой поверхности потолка, точно ожоги на коже, набухали пузыри. Они медленно раздувались и капельками срывались на пол. Стас вытер мокрое пятно и поставил тазик под местом основной протечки. Но пузыри висели по всему потолку, будто дозревали, прежде чем просочиться в квартиру.

Теперь все вставало на свои места. В доме прорвало трубу, вот сантехник и обходил квартиры. Стас повернул кран, чтобы услышать знакомое гудение, но в раковину ударила струя кипятка. Странно. Ему всегда казалось, что первым делом при аварии отключают воду. Тогда проблема не в трубах. Стас не слышал, чтобы Сменщица сегодня набирала ванну, да и ее «поющий» кран перепутать с другим трудно. Значит, сама она вряд ли устроила потоп. Однако дом был той еще развалюхой, а Сменщица жила на последнем этаже. Наверное, к ней могло натечь с чердака, тем более что дождь шел третий день. Залило ведь однажды лестничную площадку.

Стас присел у тазика. Жижа на дне не была прозрачной, а напоминала ту разбавленную ржавчиной дрянь, что льется из труб после перекрытия стояка. И знакомая вонь… Пахло не хлоркой, а затхлостью и гнилью. Он подставил ладони под морось с потолка. Вода оказалась ледяной, точно в проруби.

Кап-кап.

Стас вернулся в комнату и выглянул в окно. Дождь усилился. Теперь высотка просматривалась словно сквозь туман. Махина строительного крана пылала прожекторами, стрела рубила валящий с неба поток воды. А на недостроенной крыше здания стояли люди с зонтами.

Он с трудом оторвался от этой картины. Сердце стучало сильнее обычного, покалывало кончики пальцев. Ванная. Ему нужно было сосредоточиться на ванной, потому что другие мысли сейчас не помогали, а царапали психику, уводили в дебри фантазий.

Кап-кап.

Наверху проблему никто не решал. С потолка в ванной тянулись длинные струи, точно в нем просверлили отверстия. Тазики и кастрюли закончились, тряпки промокли насквозь. Стас не справлялся. Скоро вода просочится на этаж ниже, и виноват в этом будет только он. Как ни крути, надо идти к соседке. Может, она и не в курсе, что у нее там творится.

Стас не очень-то любил людей и старался свести любое общение к минимуму. Одно дело – переписка, где всегда есть время подумать, найти нужные слова. Но решение вопросов с глазу на глаз приводило его в ступор.

Прежде чем выйти наружу, он попробовал прикинуть, что говорить. Как обращаться к соседке? На «вы» или на «ты»? Надо ли здороваться, если раньше никогда не здоровался? Не ополоумела ли она там вообще, раз носится по квартире в каких-то чугунных башмаках?

Стас встал перед зеркалом в прихожей, пригладил волосы. Руки подрагивали. Вдох, выдох. Он захватил с собой мусорный пакет из кухни и выскользнул в подъезд.

Дверная ручка снаружи была влажной. Пол пересекали мокрые следы, будто бы оставленные водяным. Шлеп-шлеп-шлеп. Почему-то очень не хотелось с ними соприкасаться. Стас обошел лужицы, взбежал по ступенькам к мусоропроводу и отворил его железную пасть. По внутренним стенкам трубы струилась вода, запах валил с ног. Он зажал нос, и тогда из черноты раздался свист.

Стас отпрянул, выронив пакет. Свист был коротким, негромким, таким пытаются привлечь внимание конкретного человека. Иногда дом создавал иллюзии и прятал источники звуков – например, кто бы из соседей ни затеял ремонт, казалось, что сверлят и стучат именно у тебя за стеной. Не спасала даже разница в несколько этажей. Но сейчас Стас был уверен: кто-то посвистывал на дне мусоропроводной кишки.

– Эй!.. – просипел он в черноту и едва узнал собственный голос. Но его услышали.

Снизу засвистели громче, и… звук не пропал. Он набирал силу, сливался с эхом и не обрывался ни на мгновение, будто гудение телевизора на канале с профилактическими работами. Человек не способен на такой долгий выдох. В трубе заскребло, застрекотало, принялось перебирать лапками, коготками. И поползло вверх. Дрожащими руками Стас запихнул пакет в жерло мусоропровода и захлопнул крышку.

Он подошел к лестнице, перегнулся через перила и посмотрел вниз. Люди с раскрытыми зонтами стояли сплошной массой, как слипшиеся грибы. Шляпки раскачивались из стороны в сторону, сочащиеся влагой ножки под всевозможными углами врастали в пол, стены, потолок, друг в друга. Подъезд накрывало волной смрада.

Стас бросился к себе на этаж и влетел в квартиру. Вокруг было темно, словно ночью. Горели лампы, которые никто не включал. Он сумел запереть дверь, несмотря на то что почерневшие пальцы не слушались. Тапочки хлюпали по воде, в ванной плескалось. В квартире снизу что-то скребло потолок.

Мир за окном исчез в дожде, растворилась даже высотка. Мрак разгоняли только огни крана, который больше не походил на букву «Г». Стрела извивалась и скручивалась кольцами, в кабине проклевывалось красное, моргающее. От каркаса отделялись новые металлические отростки. Покрытые прожекторами щупальца переплетались в ливневой стене, скрежетали, блестели в неживом свете.

Стас слышал, как стучит в висках кровь, как стучит в окно тьма. Он почесал переносицу изогнутым когтем, вспоминая случай трехлетней давности. Сел перед компьютером и оставшимися пальцами вбил запрос в поисковик. Мерно гудел системник, работал Интернет, поскрипывало кресло. Все как обычно. Если бы ноги не срослись с промокшими тапками и кто-то не пытался вломиться в квартиру через внешнюю стену на высоте восьмого этажа.

По экрану ползли строчки старых новостей. На другом конце страны исчезла новостройка – вернее, так только показалось, потому что целый день лил сильнейший дождь и видимость была нулевая. Другие здания района просматривались, хотя и плохо, а это – нет. Но когда непогода утихла, только что сданная многоэтажка выглядела давно заброшенной. Гигантские трещины по всему корпусу, пустые глазницы окон, обвалившиеся балконы. Запустение царило и внутри – здание будто пережило войну. Осколки ступеней и штукатурки в подъездах, копоть, выбитые двери, пожравшая стены плесень. Заселиться туда успели четыре десятка семей, никого так и не нашли.

В доме погас свет, и фотографии аномальной высотки сгинули в небытие. У Стаса остались только звуки.

Шаги наверху, шуршание снизу, движения в стенах, стрекот, свист…

Кап-кап повсюду.

Он добрался до полки и нашарил телефон. Включил фонарик, отгоняя шевелящуюся вокруг тьму. Подумав, взял из шкафа еще кое-что. На дисплее горели три полоски сигнала, не так уж и плохо, но Стасу некому было звонить. Дюжина ненужных номеров в записной книжке, третий месяц ровно сто сорок четыре рубля на счете. Его никто не хватится. О нем никто не будет грустить.

Стас задернул шторы, чтобы не видеть, как снаружи накатывает чернота. Как то, что живет в ней, оплетает дом. Внутри хлюпало и чавкало. Трескались перекрытия, хлопьями осыпалась мебель, расплавленным шоколадом стекал потолок. Вот-вот к нему провалится соседка, и тогда Стас проверит свою догадку. Он не сомневался, что не будет никаких сапог на огромной платформе.

Новые суставы, черная шкура, когти… Стас почти не чувствовал рук, да и не руки это теперь были. Но раскрыть зонт у него получилось.

Дом всегда был наполнен звуками, а сейчас их стало слишком много. Половину Стас уже не узнавал. Он поднял зонт над головой и принялся ждать. Медленно растворяться в звуке, который все изменил.

Кап-кап.

Кап-кап.

Кап…

Ненужные

Солнечный диск валился с неба и увязал в тучах, с минуты на минуту готовый столкнуться с линией горизонта. Юрка взглянул наверх и прибавил шагу. Погода испортилась в один миг, и угасающий день пытался уступить место ночи, пока не разразится гроза.

Перемахнув через гору бетонных плит за рядами гаражей, Юрка оказался перед тропинкой, что вела к железной дороге. Тут цивилизация и заканчивалась. Город оставался за спиной, а перед глазами вырастали бесконечные верхушки деревьев с тусклой листвой. Юрка взобрался по насыпи и зашагал вдоль пары рельсовых полосок. Добраться домой он мог и через вокзальную площадь, но там обычно полным-полно милиции, а встречаться с этими товарищами ему не хотелось. К тому же в последнее время на него стали недобро поглядывать местные бомжи. Лучше уж сделать крюк, чем лишний раз светиться. Закон улицы.

Слева от путей что-то звякнуло. Юрка повернул голову и уставился на ворону, которая терзала цветастый пакет.

– Кыш, засранка!

Спрыгнув с насыпи и спугнув птицу, он распотрошил находку. Куриные кости и пустые банки из-под кильки – в сторону. А вот парочка вареных яиц и полдюжины картофелин попали по адресу. Достав из-за спины рюкзак, Юрка запихал туда дары поезда и отправился дальше. Дом был совсем близко.

Высокая трава подкрадывалась прямо к железной дороге. Юрка, по привычке оглядевшись вокруг, вошел в родные заросли и вновь посмотрел на небо. Мрачная завеса туч едва заметно сверкнула. Спустя пару секунд, когда он миновал первые ряды деревьев, за спиной послышался топот убегающего вдаль поезда.

Три деревянные стены и крыша – так выглядело Юркино жилище. Он понятия не имел, откуда взялась эта постройка на лесной опушке, да не сильно-то и любопытствовал. Возможно, ее использовали при работах на железной дороге, которая располагалась в паре сотен шагов отсюда, или же кто-то задумал развести огород, да так и не довел дело до конца. Какая теперь разница? Наткнувшись четыре месяца назад на этот сарайчик, Юрка сразу понял, что живут в нем одни пауки. С тех пор все изменилось. Прежде всего – эти самые жители.

На входе путников встречал бесцветный ковер, прибитый к верхней балке. Отодвинув дверь-занавеску, Юрка ступил на выложенные кое-как доски, призванные заменить нормальный пол. Внутри было тесно и темно, в стекло единственного окошка робко стучался дождь.

– Вернулся наконец-то? – сквозь кашель проговорил Алик из вороха курток в углу.

– Ага. И не с пустыми руками! Вылезай из своего кокона, хватит болеть. Где Мелкий?

– За водой ушел.

– Так поздно? – удивился Юрка. – Ты опять все выхлебал?

Поднявшись с матраса, Алик приковылял к пластмассовому столу и присел рядом с ним на скамейку.

– Отвали, у меня горло болит.

– Ладно, хрен с тобой, температурщик. Гляди-ка сюда!

Юрка стал выкладывать содержимое рюкзака на стол, с удовольствием замечая, как на бледном лице друга появляется улыбка.

– Погоди, чего мы в темнотище сидим?.. – прогнусавил Алик, доставая из-под стола лампу, слепленную из свечки и двухлитровой пластиковой бутылки. Взмах спичкой, словно волшебной палочкой, – и в домике стало гораздо светлее.

Выход в город получился довольно удачным. Юрка притащил с собой три буханки хлеба, пакетик майонеза, конфеты, слегка обветренные огурцы с помидорами и пять супов быстрого

приготовления. И это не считая выпавших из поезда продуктов. Что-то удалось добыть попрошайничеством, что-то лежало без присмотра. Для полного счастья не хватало только мяса.

– Отлично, – сказал Алик, пытаясь сдержать кашель. – Что с ментами? Цеплялись?

– Не-а, тишина.

На крыше во всю силу заплясал дождь, выстукивая странную мелодию на своровавных со станции пластах шифера.

– Ну все, – сказал Юрка. – Мелкий попал.

– Этот придурок и куртку-то не надел. Будет знать в следующий раз.

Юрка бросил пустой рюкзак в угол и стал что-то высматривать под столом.

– Опа, а говорил, кончилась вода. – Он достал пластиковую бутыль, в которой плескалось литра полтора. – На чайник хватит.

– Все равно надо еще, а я бы точно никуда не поперся.

– Ну да, старик ты немощный. Ладно, пойдем пока хоть воды вскипятим.

Алик кивнул, утерев нос рукавом свитера. Прихватив все необходимое и накинув куртки, мальчишки выскочили наружу. Небо встретило их очередным раскатом грома.

Широкие ветви кленов были неплохой защитой от дождя. Обложенное кирпичами кострище с радостью приняло охапку веток, и вскоре к шуму листвы добавился треск хвороста. Ветер подхватывал полетевшие к небу искры и уносил их в лесное царство.

– Темнеет все раньше, – задумчиво произнес Алик.

– Ага. Пара фонарей нам бы тут не помешала.

– И печка тоже.

– Микроволновая?

Алик улыбнулся, но отвечать не стал.

– Хорошо сидим, – с легкой грустью сказал Юрка, доставая очередную ветку из-под брезентового укрытия у дерева. Он понимал, что совсем скоро наступят холода и придется искать новое место жительства. Опять переселяться в подвалы, подъезды, поближе к трубам теплотрасс.

– Не то слово, как на курорте. Только бревна задницу натирают.

Юрка отвернулся от дыма и посмотрел на лес.

– Что-то долго Мелкий ходит.

– Тормоз он. Вот и все дела.

Вдалеке загудел поезд, послышался стук колес. За чернеющими прямо перед костром стволами деревьев что-то хрустнуло. Затем еще раз. Юрка заметил, как Алик притянул поближе обгорелый черенок лопаты, которым они мешали угли.

Из леса в освещенный круг выскочил Пират и тут же, отряхиваясь, обдал мальчишек холодными брызгами.

– Тьфу, собачатина, опять ты здесь шныряешь! – беззлобно пробурчал Алик.

– А ты кого дубиной встречать хотел?

– Да мало ли.

Юрка все понял без лишних объяснений. Почесав черную шкуру Пирата, которому дали такое имя за отсутствие одного глаза, он бросил пару веток в огонь.

Пират деловито обошел импровизированную кухню и, не найдя ничего интересного, развалился в ногах у Алика. Увязавшись за Мелким две недели назад, пес хорошо запомнил путь к жилищу троицы беспризорников и теперь наведывался сюда несколько раз в день. Иногда даже помогал собирать хворост, за что получал премию в виде куска хлеба.

– Знаешь, у меня уже третий день какое-то хреновое предчувствие, – вдруг заговорил Алик, глядя в догорающие перекрестья палок. – Позавчера я поздно возвращался с огородов и… – Он помолчал. – И увидел на железной дороге человека. Он никуда не шел, просто стоял. И куда смотрел – непонятно. Но у меня мурашки по спине побежали.

– И что? Только не начинай опять про черного бродягу или еще кого.

Алик хмуро ковырялся огрызком деревяшки в раскаленных угольках. Пламя заглатывало березовые кости.

– И вообще, – продолжал Юрка, – завязывай общаться с той компашкой городской. Они же наркоманы конченые, еще не такие бредни рассказать могут.

– Сюда я их не приведу, не боись. Просто иногда проще толпой по тому же рынку побродить, так нас никто из азеров не сцапает.

По небу словно чиркнули огромной спичкой, и черное полотнище вспыхнуло трещинами молний. Проснувшийся ветер пробежался по лесу, вороша мокрую листву. В кронах деревьев под грохот небес захлопали птичьи крылья.

– Они, может, и наркоманы, – не унимался Алик, – но своих вроде не бросают. И то, что двое вдруг куда-то подевались, меня совсем не радует. Тем более что пропали они неподалеку от железки.

Юрка не знал, что сказать. Он и сам слышал эти истории, но значения им не придавал. Прожив столько лет на улице, он повидал вещи и пострашнее, чем внезапное исчезновение парочки беспризорников. Верить россказням о непонятном типе, который поселился в районе путей, Юрка не собирался. Одни говорили о психе, возомнившем себя электричкой, другие о призраке и маньяке, третьи чуть ли не о демоне – пожирателе детей. Подобных бредней хватало, но если у железки кто и жил, так обычный бедолага без крыши над головой.

Тем временем чернильные лапы сумрака медленно подбирались к костру. Вокруг все проваливалось в темноту. Дождь немного утихомирился, но безлунное хмурое небо подсказывало, что запас воды еще не исчерпан.

Юрка сбил угли в одну кучу и взгромоздил сверху металлический чайник с кривым носиком. В парящем над костром облаке дыма засуетились пепельные снежинки. Огненные блики прыгали по нарисованным на чайнике цветам, а в железных внутренностях плескалась вода.

– Что-то совсем он заблудился, – чихнув в ладошку, сказал Алик, прерывая мерный сап Пирата.

– Я схожу, прогуляюсь, – буркнул Юрка. – Спокойнее будет.

– Мысль хреновая.

– Нормальная. Пока лить перестало. Может, Мелкий нашел что.

– Ага, приключения он нашел, – уточнил Алик, вытирая сопли о траву.

– Хватит ныть уже, гундосый. Ты за главного, сооруди что-нибудь пожрать. Мы скоро вернемся. – Юрка поднялся и накинул капюшон. – И призраков никаких без нас не лови тут.

В ответ он получил только кривую усмешку и поднятый вверх средний палец. Улыбнувшись, Юрка отвернулся от костра и двинулся прямо в размазанную по ночному пейзажу лесную пасть.

Глаза быстро привыкли к темноте. Теперь среди частокола древесных стволов можно было разглядеть просветы. Юрка смело шагал вперед по хлюпающей траве, изредка отмахиваясь от веток. Ноги знали дорогу не хуже его самого. Ночью тут легко можно заблудиться, но только не тому, кто много раз прошел лес вдоль и поперек. По крайней мере, тот его кусочек, что опоясывал хижину.

Садоводческое товарищество находилось примерно в двух километрах от пристанища мальчишек и тянулось до самого озера. Этот рассадник крошечных домиков делился надвое узкой, накатанной машинами дорогой, обрывающейся в кукурузном поле. Второй ее конец пропадал где-то за станцией. Расстояния были не самые большие, и ребята быстро научились бродить тут по своим делам, не привлекая внимания. Все укромные пути и лазейки они давно изведали.

Среди шороха листвы Юрка вдруг разобрал шепот. Едва различимое бормотание шло сзади, растворяясь в ветряных вихрях. Он резко обернулся – и ничего не увидел. Привычные

деревья да пни с корягами. Легкая дрожь пробежала по телу, заставляя вспомнить слова Алика. Что-то в пейзаже было не так. Шагнув вперед, Юрка боковым зрением заметил, как одна из высоких теней медленно передвигается. Остаток пути он преодолел бегом.

Когда практически невидимая тропинка окончательно растворилась во мраке, впереди послышался крик. Юрка остановился, увидев пару выглядывающих из темноты желтых глаз. Свет шел с дороги. Там гремели мужские голоса, рычал мотор, перед фарами мелькали черные силуэты.

– Эй, говно! Я же тебя поймаю и голову оторву!

Внутри у Юрки все похолодело, сжалось. Он замер на месте, стараясь слиться со мхом на дереве.

– Да нету его здесь, – говорил второй. – Или ты собрался всю ночь по лесам лазить, как обдолбавшийся медведь?

– Завали хлебало! Не мог этот оборванный сморчок так быстро свалить.

Призрачные очертания людей подобрались ближе к машине. Открылась дверца.

– Димон, езжай тогда дальше, а мы тут немного попасем. Если поймаешь, пихай в багажник. Разберемся с этой сукой.

Машина нехотя покатилась по кочкам и рытвинам, погружая округу в темноту. Бесшумно двигаясь параллельно дороге, Юрка стал пробираться через лесную чащу. У него не было никаких сомнений в том, кого ищут эти люди.

Идти скоро стало некуда. Лесной частокол плавно переходил в первые ряды деревянных домов. Выглянув из-за покосившейся березы, Юрка быстро оценил обстановку. На улице, освещенной всего двумя фонарями, было пусто. В ближайших окнах черными кляксами плескалась ночь, и только на затемненном участке через дорогу светились сигаретные огни да слышался приглушенный разговор.

Юрка перемахнул через невысокий забор и плюхнулся на сырой газон. В тишине стрекотали насекомые, сердце билось в груди с удвоенной скоростью. С козырька сарая в железное ведро капала вода. Если Мелкий до сих пор не вернулся, значит, спрятался где-то неподалеку. Когда на шепот не последовало никакой реакции, Юрка поднялся и подобрался к калитке на смежный огород. Ржавые петли чуть не выдали его, но спустя мгновение он уже затаился под широкими ветвями яблони, которая не раз кормила всю их компанию. Следующий участок охраняла лишь табличка «Осторожно! Злая собака!». Самого пса никто и никогда не видел. Юрка приземлился в кусты крыжовника и на карачках добрался до конца участка. Через сетку-рабицу отлично просматривалась колонка у дороги. В растекшейся под ней луже плавали знакомые пятилитровые бутыли. Фонарный столб вылавливал из темноты только рвущуюся к лампе мошкару.

Внимательно осматривая участок, Юрка едва слышно проговорил:

– Мелкий, пошуми, если тут.

Отвечать на вопросы Мелкий не умел. Да и вообще издавать звуки – молчал как партизан с первого дня знакомства.

Где-то вдалеке сипло залаяла собака. На дорогу выехала машина, и Юрка тут же упал на траву. Прокатив мимо, огоньки задних фар миновали колонку и скрылись из поля зрения. В лоб Юрке врезалось что-то холодное. Он взглянул вверх, и еще несколько капель стукнули его по капюшону. Неприятная морось вновь опустилась на едва отдохнувшую землю.

Подкравшись к забору из металлических прутьев, в зарослях малины Юрка увидел знакомую физиономию.

– Мелкий, иди сюда. Только тихо.

На чумазом лице испуг быстро сменился радостью, и Мелкий засеменил к выглядывающему между черных железок Юрке.

– Что ж ты натворил, дурик? Хорошо хоть не на той стороне затаился. Ладно, надо сматываться. Не бойся, вроде нет никого. Сможешь перелезть?

Мелкий покачал головой, ежась от холода. В тягучей тишине можно было расслышать стук зубов.

– Так, – сказал Юрка, оглядываясь по сторонам. – Вон поленница, дуй туда. С нее перепрыгнешь.

Мелкий кивнул и зашагал к горе бревнышек. Высота была небольшой, а мальчишка совсем легкий, поэтому забор он перескочил шустро и практически бесшумно.

– Что это за черти? – спросил Юрка, надевая на дрожащего друга свою куртку.

Мелкий пару раз стукнул пальцем по горлу, а потом покрутил им же у виска.

– Бухарики? Ну и черт с ними, пошли домой.

Вдвоем они добрались до крайнего участка, тенями мелькая в редких освещенных окнах. Юрка помог Мелкому перелезть через забор и тут же последовал за ним. Тогда они и услышали голос:

– Пацаны, сюда!

Юрка в ужасе смотрел на вывалившегося из-за дерева мужика, который на ходу боролся с застежкой брюк. Мелкий спиной вжался в забор. Позади ребят, на дороге, раздался свист. Послышались топот и отборный мат.

– Валим! – рявкнул Юрка, дергая Мелкого за рукав.

Бросившись в сторону от мужика, который не удержал равновесия на скользкой траве и рухнул вниз, ребята что есть сил рванули по раскисшей дороге. Стараясь не увязнуть в лужах, они даже и не думали оглядываться. Впереди возник еще один черный силуэт. Секунду помедлив, мальчишки переметнулись на тонюсенькую тропку – к станции. Новый путь уводил их в сторону от родного уже леса, но они хорошо знали бреши в ограждениях у железной дороги, так что укрыться там было проще простого. Оставалось только не дать себя догнать.

Дождь нещадно лупил по лицам, словно был заодно с преследователями. Миновав забитую мусором канаву, ребята оказались у забора из стальных листов. Мелкий сразу нашел небольшую яму у основания и нырнул в этот крошечный подземный ход. Пока замызганные ботинки друга исчезали в черной глотке, Юрка обернулся к тропинке. Сверкнувшая молния на мгновение выхватила из черноты несколько бродящих неподалеку теней. Юрка, услышав стук с другой стороны ограждения, сполз в яму и, вдохнув запах сырой земли, оказался на территории станции.

Дождь стоял стеной. Мальчишки укрылись под платформой, свет на которую падал только из окошка пристройки для рабочих, неподалеку от выхода в город. Последняя электричка давно убралась восвояси.

– Переждем еще немного, пусть поутихнет, – сказал Юрка. – Потом по путям домой доковыляем, ага?

Мелкий кивнул. Они торчали тут уже минут двадцать. Преследователей спугнул ливень, или они просто потеряли мальчишек из виду. Все было хорошо.

Из-под платформы мрачная картинка ночи просматривалась чуть лучше. По убегающим в бесконечность рельсам отбивали барабанную дробь водяные струи. Слева мокли грузовые вагоны. Из переполненных луж змеились крохотные ручейки.

– Слушай, – начал Юрка, – они точно к тебе просто так привязались? Им больше делать нечего, как за детьми носиться?

Утерев грязный нос, Мелкий нехотя стал выуживать что-то из кармана штанов.

– Ни черта себе! – удивился Юрка, глядя на пухленький кошелек. – Как же ты его сперто? Если бы нас пойма…

И замолк. В темноте сквозь пелену дождя он рассмотрел движение. Смутное, призрачное, как тогда в лесу. Будто нечто пробиралось сквозь мрак, вспарывало его. Вырастало из теней.

– Тихо… – прошептал он, вглядываясь в ночь.

Чернильное пятно исчезло. Юрка надеялся, что ему показалось, что здесь просто некому ходить, но… Но на железке действительно пропадали люди.

В ограждение за путями что-то ударило. Спустя мгновение в яме показалась копошащаяся тень. Мелкий всхлипнул, и из черной воронки высунулась косматая голова.

– Фу… – с облегчением выдохнул Юрка.

Мелкий улыбнулся и замахал рукой, подзывая Пирата. Этого собакина он любил по-настоящему и всегда ждал его возвращения. Но до ребят Пират так и не добрался, замерев в метре от платформы. Шерсть его вздыбилась, раздалось рычание. Юрка удивленно глядел на всегда добродушную дворнягу, пока не понял, что смотрит она чуть выше. На платформу. От страшной догадки бросило в дрожь. Пират поджал хвост, сделал несколько шагов назад и посеменил в темноту. Мелкий тоже все понял и с запрокинутой головой отполз подальше от края платформы. Сверху что-то заскреблось. Притихшие мальчишки в ужасе переглядывались, а звуки становились все громче. Шепот переходил в бормотание и спускался к ним – стелился по земле, словно утренний туман. Пока не сложился в единственное различимое слово:

– Нену-у-ужные-е-е…

Глядя в круглые, точно две луны, глаза Мелкого, Юрка не мог пошевелиться. Ему вдруг открылась простая истина: ни звание вожака беспризорников, ни многолетнее выживание на улице, ни завидная самостоятельность не имеют никакого значения. Как ни крути, а он всего лишь маленький мальчик, которому тоже бывает страшно.

В чувство его привел звук, сумевший прорваться сквозь дьявольский шепот. Паровозный гудок. Юрка, заметив вибрацию рельсов, схватил Мелкого за шиворот и рывком вытащил из-под платформы. Вновь оказавшись под дождем, они отскочили в сторону от приближающегося состава, который разрезал мрак мощным фонарем.

Выхваченная электрическим светом фигура на платформе лопнула, сбросила человеческие контуры и бесформенной черной лужей уползла за перрон. Мальчишки выскочили на щебенку у параллельного пути и понеслись в сторону дома. Теперь их мало интересовали обворованные выпивохи. На железной дороге жило кое-что пострашнее.

Юрка бежал впереди, стараясь не замечать царапающего лицо ливня. Едва миновав ряд отцепленных вагонов, он услышал глухой удар. Обернувшись, успел проводить взглядом исчезающие над грузовым контейнером крошечные ботиночки.

– Мелкий!

Металлический лязг, грохнувший сверху, сменился приглушенным смехом. Нервы не выдержали, и Юрка помчался вперед, не думая уже ни о чем. Когда он спускался к лесу у заваленного тополя, который всегда служил им ориентиром, за спиной раздался захлебывающийся крик. Так Юрка в первый и последний раз услышал голос Мелкого.

Домик был пуст, стол перевернут. Юрке не хотелось думать, куда подевался Алик. Ответ казался таким простым и в то же время таким страшным. Подхватив стопку газет, Юрка вылетел на улицу. Горе-навес из веток справлялся с работой довольно сносно, но костер давно потух. Трясущимися руками Юрка разбудил заснувшие угольки, и маленькие языки пламени принялись жевать пожелтевшую бумагу. Накидав в огонь щепок, он осмотрелся по сторонам. Лес спал. Тьма подступала к костру со всех сторон. И в ней кто-то прятался.

Когда в ход пошли крупные дрова, стало гораздо светлее. Юрка вновь окинул взглядом пляшущий на ветру лес и всхлипнул. В темноте двигалась высокая фигура. Она держалась подальше от костра, медленно блуждая за кольцом света. Юрка поднял брезентовую накидку с земли, оценивая запас дров, и едва сдержал плач.

– Нену-у-ужные-е-е… – растягивая гласные, прошелестело черное существо.

Из кустов неожиданно показался Пират. Затравленно глядя на призрачный силуэт, он подбежал к костру. Бросив в ноги Юрке толстую березовую ветку, вильнул хвостом и свернулся клубком у опрокинутого чайника.

– Спасибо, малыш. – Юрка улыбнулся, почесывая Пирата за ухом. – Но даже с твоими запасами до утра нам не дотянуть.

Слопав мельтешащую рядом мошку, Пират уткнулся носом в собственный хвост и засопел. Вглядываясь в спасительный огонь, Юрка вытер слезы и подсел ближе к теплу. Первые лучи рассвета ожидались здесь еще очень нескоро.

Ветки

Иван Данилович любил чистоту и порядок. Он жил многолетними привычками и верил, что у каждой вещи должно быть свое место. Если кто-то из коллег по смене забывал вернуть заварочный чайник на полку или оставлял в раковине посуду, Ивану Даниловичу кусок не лез в горло. Стол в бытовке был сколочен из деревянных поддонов, и Иван Данилович, прежде чем выложить бутерброды с сыром и докторской колбасой, всегда стелил на него разворот «Советского спорта». Потому что по столу, когда в помещении никого не оставалось, бегали крысы. На глазах у людей они не позволяли себе такого непотребства, но кубики рафинада из общей упаковки пропадали исправно. Крысы воровали вообще все, что надолго оставалось без присмотра, а будь их чуточку больше, наверное, унесли бы и саму бытовку.

Иван Данилович тщательно вымывал руки до и после туалета, постоянно возвращал на место передвинутое мусорное ведро и за четыре года использования телефона так и не снял с экрана защитную пленку. Над его бзиками подшучивали, не задумываясь о том, что именно такие люди наделены обостренным чувством неправильности. Там, где какой-нибудь Даниил Иванович прошел бы мимо складского ангара и ничего не заметил, Иван Данилович сразу понял: что-то не в порядке. Не так, как всегда. Неправильно.

На территорию складов ночь спустилась вместе с дождем. Повозилась на главной площадке у гаража с погрузчиками да и расползлась по закромам базы. Зажглись прожекторы, в бытовке желтым пятном вспыхнуло окошко. За последней фурой запечатали ворота, проводили кладовщиков и спустили собак. Ждать утра здесь остались три охранника и пять дворняжек, с которыми даже на крыс ходить было бессмысленно. Но собаки лаяли так громко и дружно, что в глазах начальства выглядели самыми настоящими сторожевыми псами и обеспечивали себе неплохое довольствие.

Одним из охранников и был Иван Данилович. Он стоял перед вытянутым ангаром, в котором поместилось сразу три склада, и осматривал крышу. Дождь шуршал в морщинах его плаща, разбивался о козырек кепки с эмблемой ЦСКА и брызгами размазывался по стеклам старых очков. Иван Данилович глядел вверх и прислушивался к чувству неправильности. Двойные прожекторы высились над каждыми воротами и бурили тьму в обоих направлениях. Конструировали ангар отъявленные садисты – летом металлический корпус нагревался и пытал внутренности смертельной духотой, а зимой промерзал так, что не спасали никакие батареи. Сейчас же с выгнутой крыши, точно с горки, по стене катилась вода. В луже под козырьком третьего склада плавали пятна света. Но не только они. Там шевелились тонкие длинные тени, словно очертания веток, сбросивших листву. Иван Данилович протер очки и присмотрелся, потому как доподлинно знал, что на обшивке ангара нет и не может быть никаких растений. Однако теперь у прожектора на ветру что-то шевелилось.

Мощная лампа слепила глаза, пряча неясные контуры за электрической завесой. Иван Данилович искал лучшую точку обзора, когда прожектор сморгнул и на земле мелькнула паучья тень. Клубок веток, черное отражение того, что колыхалось сверху. Небо разразилось громом, и по металлической шкуре ангара с двойной силой затопали дождевые капли. «Или же, – подумалось Ивану Даниловичу, – чьи-то маленькие ножки».

Будучи человеком въедливым и рациональным, Иван Данилович не мог просто так оставить странное происшествие. Ему требовалось объяснение. По ангару иногда гуляли птицы, кошки, забирались туда и крысы, но чтобы ветки? Какой силы нужен ветер, чтобы закинуть туда целый куст? Иван Данилович зашел в бытовку и снял с гвоздя мощный фонарь – почти что ручной прожектор. За столом на его месте сидел Пал Палыч и в разложенной скатерти-газете читал о подготовке ЦСКА к дерби со «Спартаком». На «Советском спорте» виднелись мок-

рые следы чашки, отчего Иван Данилович сжимал ручку фонаря сильнее, чем того требовала ситуация.

Пал Палыч ему не нравился не только из-за красно-белых болельщицких пристрастий. Он, Пал Палыч, работал здесь уже пятнадцать лет, и этот факт, как ему, наверное, казалось, давал право нарушать личное пространство других (в основном, конечно, Ивана Даниловича), забывать о всяческих приличиях и вообще вести себя как хозяин квартиры с нерадивыми съемщиками. В середине смены Пал Палыч добавлял в кофе коньяк, благодаря чему становился чересчур активным и веселым, поэтому от его инициатив стоило держаться подальше.

Иван Данилович поправил кепку и вышел из бытовки. Он отправился к третьему складу и осветил крышу над прожекторами. Никакого облезлого куста, никаких веток там не было. Как и странных теней на земле. Иван Данилович шагал вдоль ангара и изучал крышу на предмет непонятных наростов. С плаща текло так же, как и с неба. В жирном луче фонаря капли сменяли друг друга так быстро, что казалось, будто они висят в воздухе. Всполохи молний подсвечивали ночь, вылавливая силуэты собак из темноты. У главных ворот под козырьком сторожки, покуривая сигарету, стоял Сашок.

Из-за нагромождения деревянных контейнеров залаяла Альма. Иван Данилович поспешил туда и уперся взглядом в плиту забора. Альма рычала и смотрела на самый верх, в переплетения колючей проволоки.

– Тише, девочка, тише. Не шуми.

Иван Данилович потрепал собаку по голове и поднял фонарь. В проволоке запутались ветки. Десятки тонких, с человеческий палец, но длинных, с полруки, прутиков, соединенных в одной крохотной точке. Иван Данилович вспомнил внука, Олежку. Тот примерно так рисовал солнце: кружок, от которого к земле тянется много-много лучей. Вверх лучи у Олежки никогда не тянулись, все тепло он дарил людям.

Листьев на ветках не было, зато имелись почки – в одной из них, самой большой, и сходились все лучи неведомого солнца. Эта штука напоминала чучело гигантского паука, слепленное из оборванных сучков.

Иван Данилович любил засыпать под одну телепередачу по кабельному каналу. Там всклокоченный ведущий рассказывал о различных тайнах и мистификациях: рептилоиды среди нас, база НЛО на дне Бермудского треугольника, могущественные секты правят миром. В одном эпизоде речь шла о крупных свалках и их обитателях. Это целые помойные континенты, и крысы размером с собаку там дело привычное. Ивану Даниловичу запомнился одноухий бомж, который утверждал, что его цапнула метровая многоножка толщиной с батон колбасы. Якобы на отшибе большого города еще и не такие чудовища водятся. Когда ведущий с выпученными глазами начал во всем обвинять секретные эксперименты масонов, Иван Данилович отключился.

Альма продолжала лаять. Иван Данилович взял лопату и осторожно подцепил ветки. Что-то в них ему категорически не нравилось. По счастью, ничего не произошло. Иван Данилович подцепил их с другой стороны и вздрогнул. Почки открылись. Одна ветка обвилась вокруг полотна, остальные оперлись на нее и вмиг высвободились из проволоки. Иван Данилович отбросил лопату и приставшую к ней паукообразную тварь. Ударил светом вниз, почки моргнули. Альма прыгнула прямо на ветки, защелкали челюсти. Существо согнулось в многочисленных суставах-узелках, выбросило вперед пару конечностей и забралось на собаку. Альма зарычала, пытаясь скинуть тварь. Ветки шевелились, дергались – они залезали под шкуру. Альма упала на землю, завыла. Раздался хруст. Ветки вползли в нее целиком, под собакой растекалось черное пятно. Альма несколько мгновений хрипела и кашляла, а потом ветки вышли из нее сквозь плоть. Прицепились к кирпичной стене котельной, в две секунды взобрались наверх и исчезли в темноте.

Когда подоспел напарник, Иван Данилович не помнил.

– Как она попала-то сюда, зверюга эта гребаная? – спрашивал Пал Палыч, пока катил тачку с разорванным трупом Альмы к воротам. – Что за порода? Мать вашу, нужно дыру искать, псина ж небось бешеная.

Иван Данилович не стал рассказывать о ветках. Просто не смог. Соврал, что услышал грызню, а потом нашел Альму у котельной.

– Не знаю я, Пал Палыч. Ничего не знаю.

– Слышь, Данилыч, а это точно не из наших кто?

– Да точно, точно. Они в другой части базы бегали.

– И что делать-то теперь?

– Да не знаю я! Для начала Альму похоронить надо.

Сашок открыл одну воротину и принял у Пал Палыча тачку. На базу он только устроился и в свои сорок шесть для коллег-пенсионеров был салабоном, поэтому без лишнего ворчания брал на себя грязную работу.

– Ёптыть, ее как будто топором порубали. Мясо вон кусками, шкура… Чикатила напала?

– Собачила, – сказал Пал Палыч, – из-под заборчила.

– Так это, – заволновался Сашок, – а если она там меня и встретит?! Не, я все понимаю, но когда такое дело…

Пал Палыч свистнул, и к воротам сбежались собаки.

– Вот тебе конвой, бери кого хошь.

Сашок в компании Джека и Лорда скрылся из виду, а Пал Палыч шепнул:

– Пойдем помянем, что ли.

Иван Данилович никогда не пил на работе и делать исключений не собирался. Хотя после увиденного выпить ему хотелось чрезвычайно. Не каждый день наблюдаешь смерть так близко, особенно столь страшную.

– А на воротах тогда кто? Закрывать нельзя, пока Сашок там.

– Ну, не хочешь – как хочешь. Наше дело – предложить.

Пал Палыч побрел в сторону бытовки, озираясь вокруг. Дождь кончился. В густой черноте над головой возникали прорехи. Иван Данилович подошел к открытой воротине и посмотрел на разбитую дорогу. Слева – ряды полузаброшенных гаражей, пустырь и лента железной дороги, справа – склады, еще склады, замороженные стройки. Их база располагалась в промзоне неподалеку от метро «Нагорная», можно сказать, на отшибе. И что-то вроде свалки рядом имелось. Значит, масоны виноваты?..

Иван Данилович устало приземлился на лавочку и только теперь, в свете лампы под козырьком сторожки, увидел, что покрыт бурыми пятнами. Он дернулся, вспрыгнул, будто оторвавшись от раскаленной сковороды, и скинул плащ. Сердце ухало, давило на ребра. Пальцы дрожали, между ними подсыхала кровь. Иван Данилович стал тереть ее, скрести ногтями, выцарапывать из морщин. Он всхлипнул, во рту сделалось горько. Медленно-медленно, ворочая внутренности, подкатывала горячая тошнота.

– В-вылезло… Что… – захлебываясь воздухом, шептал Иван Данилович. Он упал на колени и опустил руки в лужу. По щекам катились слезы, рядом, виляя хвостами, кружили собаки. – Откуд-да… В-вылезло…

Он поднял голову к деревьям. Ветер перебирал ветки, шумела листва.

– Где? Где?!

Вернулся Сашок и, подхватив Ивана Даниловича под мышки, усадил того на лавку. Спустя двадцать минут они пили чай за столом в бытовке и слушали сбивчивый рассказ о ветках. Ближайшая машина ожидалась через два часа, а рабочие – через час, так что о дежурстве у ворот временно позабыли. Иван Данилович привел себя в порядок в туалете и все-таки отхлебнул коньяку. К его удивлению, безумная история не вызвала смеха и подколок. Ровно наоборот.

– На той неделе перед сдачей смены убирался у котельной, – заговорил Сашок. – Гляжу, короче, у контейнеров хрень какая-то валяется. Типа как прутья из метлы вытащили и пучком бросили. Ну, я струей из шланга грязь по площадке гоняю, листья, туда-сюда, оборачиваюсь, а хрени уже нету. Сдристнула, ёптыть. А потом в углу нахожу разорванного вдрызг кошака. Свеженького. Вот и думайте.

Пал Палыч тоже видел ветки. Еще месяц назад.

– Когда крыс травил во втором ангаре. Разбросал эту дрянь по углам, а потом смотрю: крыса, жирная такая, прям на меня пялится с ящиков. Сидит и натурально пялится! Вот, думаю, совсем оборзели, и тут крыса эта напополам раскрывается, а из-под нее ветки во все стороны. И шмыг-шмыг по стене в дыру на потолке, помнишь, Данилыч, где в прошлом годе ласточкины гнезда разоряли? Вот там. Не то насекомое на полметра, не то растение живое, поди ты разбери, етиху мать.

Пал Палыч плеснул коньяку в крышку от термоса, жестом предложил коллегам и, когда те отказались, махнул одним глотком.

– Я потому и бухать тут начал! Когда знаешь, что где-то по территории ползает такая кракозябра, свихнуться можно. Причем я-то думал, что она по мелким гадам специалист. А тут – собаку задрала!

Иван Данилович был в полнейшей растерянности. Ветки никак не укладывались в его видение мира, сформированное годами, людьми и правилами. Их просто не могло существовать в его системе координат. Обычно Иван Данилович нехотя впускал в свою жизнь что-то новое, а тут новое влезло само. Грубо, через боль, сквозь смерть.

– Так. Если пойдем к начальству, в лучшем случае засмеют, – рассуждал он вслух. – В худшем, что скорее всего, спишут на пенсию. Этим только повод дай. Выходит, работу менять?

Пал Палыч хмыкнул:

– Нужны мы кому-то с тобой в таком возрасте.

– А вы чего, – сказал Сашок, – реально думаете, что эта хрень может и человека завалить?

Вспомнив, как ветки секунд за пять разорвали взрослую собаку, Иван Данилович кивнул. С котом и крысой было то же самое, и ведь они, в отличие от Альмы, вряд ли представляли угрозу. Эта жестокость казалась бессмысленной, неправильной. Ветки не ели, они убивали ради убийства.

Сменщикам сказали, что Альма убежала. Сашок ляпнул что-то про ветки, хотел проверить реакцию, но ребята виду не подали. Может, и не встречались они с этой напастью.

После смены Пал Палыч с Сашком потопали через железнодорожные пути в сторону Варшавского шоссе и автобусных остановок, а Иван Данилович поплелся по Электролитному проезду к «Нагорной». Он вернулся в привычный мир, в персональную зону комфорта, где все расписано по минутам и разложено по полочкам. Раннее утро, люди спешат на работу, а он идет домой. Знакомые лица, знакомые машины, знакомые запахи: газовая заправка, свежая выпечка у метро, духи толстухи-собачницы… Чувство неправильности кольнуло вновь, и Иван Данилович замер. Толстуха-собачница уже вторую неделю ходила без свиты. Обычно дворняги поджидали ее у выхода из метро и провожали до проходной офисно-складского здания, а женщина оделяла их приготовленными заранее гостинцами. Если Иван Данилович встречал собачницу на полпути к метро, то переходил на противоположную сторону дороги, чтобы не пробираться через ее плешивое войско. Но в последнее время собак не было. Ни у подземки, ни в переходе у обогревателей, да и, похоже, нигде в районе. Сейчас толстуха шагала навстречу и что-то оживленно рассказывала такой же пышной брюнетке:

– …эти догхантеры, кто еще. Потравили, поубивали. Без ошейников, чтоб ты понимала, собачки бегали – вот и все, сразу виноваты…

Иван Данилович спустился в переход и купил свежий номер «Советского спорта». Он жил неподалеку, поэтому всегда ходил пешком. По пути заглянул в магазин, где взял блинчи-

ков со сгущенкой, сока и два киндер-сюрприза. Сегодня к Ивану Даниловичу приезжал любимый внук.

Пяти часов сна хватало Ивану Даниловичу с запасом. В тринадцать ноль-ноль, одновременно с будильником, он проснулся бодрым и отдохнувшим. Ночной кошмар и последующая истерика казались какой-то нелепостью, даже теоретически невозможной в его размеренной жизни. Он принял душ, приготовил бутерброды с сыром и докторской колбасой, заварил чаю. Футбольная трансляция была намечена на половину второго. Обычно Иван Данилович смотрел игры ЦСКА с пивом, селедочкой и чесночными сухариками, но только не в день няньки. За шустрым Олежкой нужен был глаз да глаз – разумеется, трезвый. И эти полные смеха и открытий часы наедине с внуком не способно было заменить никакое дерби.

ЦСКА проиграл со счетом ноль – три. Иван Данилович снял с плеч шарф «армейцев», вздохнул и выключил телевизор, на экране которого довольные спартаковцы поздравляли друг друга.

– Куплено все. Сдали матч, паршивцы.

Следующие полчаса Иван Данилович превращал смертельно опасную квартиру в худобедно пригодное для ребенка место. Проверял резиновые нашлепки на углах столов и тумбочек, запирал ящики, заново связывал ручки по обе стороны дверей, чтобы они, двери, полностью не закрывались, и Олежка ничего себе не прищемил. После футбола расположение духа было прескверным, а тут еще в окно застучал дождь. Значит, на горку сходить не получится.

Иван Данилович пожарил первую партию блинчиков и достал сок из холодильника. Расставил Олежкиных динозавров на столе, снял с верхней полки книжного шкафа сказки. Но внука не привезли ни в четыре, как обещали, ни в пять.

Дождь усиливался. Квартира Ивана Даниловича располагалась на первом этаже, и росшая под окнами береза при сильном ветре скребла стекло. Скребла ветками, точно паучьими лапами.

Иван Данилович смотрел во двор и слушал шум капель, что плясали на карнизе. Под лавкой у подъезда жались друг к другу кошки. Они выглядели довольными.

Ветки. Могли ли они стать причиной исчезновения собак? Иван Данилович слышал о догхантерах, но никогда их не видел, потому не очень-то и представлял, как те работают. А вот ветки он видел.

Олежка не приехал и в шесть. Иван Данилович со стационарного телефона позвонил себе на мобильный – все работало. Звонить первым и теребить кого-то он не любил, считал, что навязывается, да и неинтересно никому слушать стариковское ворчание. Иван Данилович покрутил в руках телефон и вновь подошел к окну. Зятек был парнем необязательным, всегда опаздывал, мог даже из кровати сонным голосом соврать, что уже подъезжает. Такой вот человек, ничего не попишешь. Говорят, женщины подсознательно выбирают мужчин, похожих на своих отцов. Иринка отчего-то выбрала полную противоположность Ивану Даниловичу.

Ветер подул в сторону дома, и в окно уперлись ветки. Нужно спилить. Они же не должны так близко к дому расти. Раньше эта неправильность Ивана Даниловича не раздражала. Он даже подумывал примостить там кормушку для птиц. Выглянешь за окно, а на расстоянии вытянутой руки – жизнь, синички чирикают, семечки клюют. Но после ночной смены многое поменялось.

Телефон запиликал стандартной мелодией, но звонила не дочка, а один из сменщиков. Он как раз сегодня в ночь заступал, а тут вдруг попросил подойти. Иван Данилович сослался на то, что обещал посидеть с внуком, но сменщик, тоже, кстати, Олежка, не отстал. Дело касалось гаражей – начальство наконец-то дало команду на снос, поэтому нужно было что-то решать. Желательно, поскорее. Иван Данилович сказал, что посмотрит по обстоятельствам, и повесил трубку.

Свет включать не хотелось. В квартире совсем потемнело, динозавры на столе перестали отбрасывать тени. Иван Данилович посмотрел на часы, секундная стрелка которых разгоняла тишину. Все правильно, раз звонил Олег, значит, он уже на базе. Начало восьмого. Иван Данилович собрал динозавров в коробку и спрятал в ящике. Снял с турника в коридоре самодельные качели, и тогда зазвонил телефон.

– Пап! Ну прости, прости, пожалуйста! Совсем из головы вылетело, хотела же позвонить!

– Да ничего, Ирин, все нормально. Как вы?

– Нас тут в гости пригласили, за город. Большой компанией поехали, с детьми, на трех машинах. Как стали мужики футбол обсуждать, так я и вспомнила, что не предупредила, блин!

– Все нормально. Жаль, конечно, но чего уж теперь.

– Как твои-то сыграли?

– Никак, дочка. Никак.

– Ну ладно, пап, я тебе на неделе позвоню еще. А то тут шумят, сам слышишь. Пока, целую! От Олежки привет!

Дождь закончился, ветер стих, но ветки по-прежнему царапали окно.

Иван Данилович осмотрел дерево, двор. Все как обычно. Он плотно закрыл форточку, задвинул шторы, но звук не исчез. Скрёб-скрёб-скрёб.

Он накинул плащ, кепку и вышел из дома. Влажные улицы блестели в огнях фонарей, грузовики, точно поливальные машины, рассыпали брызги по тротуарам. У метро играла музыка, слышались пьяные смешки, гремела ругань на ближнезарубежном наречии. В девять часов вечера в Москве все только начинается.

Иван Данилович шагал по Электролитному проезду в сторону железной дороги и присматривался к кронам тополей, стараясь обходить их по дуге. Ветки могли забраться куда угодно, а деревья вдоль тротуара – отличное прикрытие. По левую руку за забором высился скелет недостроя, брошенный года полтора назад. Справа, за двумя стальными листами с табличкой «Территория охраняется собаками», ржавыми балками топорщился другой объект-призрак. Первый ярус давно накрыло кустами, стальные кости оплели растения. Природа пожирала промзону, перерабатывала все ненужное, и прямо сейчас Иван Данилович чувствовал себя таким же ненужным.

Возле гаражей Ивана Даниловича встретил Олег. Давно ходили разговоры, что все постройки в низине у путей будут сносить. У городского начальства были свои виды на эту территорию. А если процесс пошел, значит, через годик-другой не станет и складской базы.

– Короче, расклад такой, – объяснял Олег. – Гаражей тут шестнадцать штук, как раз на четыре смены поровну. Отдельных людей для этой работы нанимать не будут, денег-то жалко. Вот, стало быть, весь хлам из них выгребать нам. Дневники прямо во время смены свою часть могут раскидать, а нам либо уже после на два-три часа задерживаться, либо кто как может. Не впотьмах же тут ползать с фонариком. Спешки нет, главное – до зимы управиться. С владельцами, где они есть, вопросы улажены.

Здешние гаражи были обычными контейнерами, чуть приличнее гаражей-ракушек. Гробами из металлолома с таким же металлоломом внутри. Большая часть не использовалась уже много лет.

– А поздоровее найти они никого не могли? Вон ребята со складов за пару дней бы тут и управились.

– Господь с тобой, Иван Данилыч! Они же делом занимаются, деньги для фирмы добывают денно и нощно. Это мы, нахлебники, чаи гоняем и дрыхнем на посту.

– И то верно.

– Короче, когда вычистим все, свалку забьем, техника придет гаражи эти забирать. Ломать вроде как не планируют. Покрасят да и поставят еще где-нибудь. Хотя это уже не наше дело.

– Вопрос-то в чем?

– А вопрос в том, как их по сменам распределить. Там ведь где пусто, где густо, а платят за каждый одинаково – аж штуку на всех. Мы с мужиками уже взяли первые четыре от ворот, они полупустые. Тут уж извиняй, повезло, что приказ пришел под нашу смену. А вот из остальных – выбирай любые. Кое-где среди хлама можно и полезного чего для себя урвать, просто покопаться надо. Погляди, короче, и мне скажи. Я вроде как главным по этой части назначен. Даже ключи от запертых выдали. – Олег протянул Ивану Даниловичу связку. – Иди, ознакомься. Тебе, как местному, преференции, ну и ночная смена за ночную горой. А то завтра с утра набегут дневники, не до выборов будет.

Кто-то махнул бы рукой в сторону первых попавшихся гаражей, не забитых под завязку, и отправился домой отдыхать. Или просто-напросто убежал бы, памятуя о здешнем обитателе. Но только не Иван Данилович, у которого с детства чувство ответственности было сильнее чувства страха. Он попросил у Олега фонарик и перчатки, взял ключи и начал осмотр. Дело касалось не только его, но и коллег по смене. И раз уж ему выпала возможность облегчить всем работу, он должен сделать все четко и правильно. К тому же не так страшен черт…

Иван Данилович, обходя гаражи, убеждал себя, что ветки не нападут на человека. В конце концов, крысы, кошки и даже собаки – это одно, а тут совсем другой разговор. Главное, шуметь. Греметь мусором, хлопать воротами, кашлять. Чтобы ветки услышали издалека, не сунулись. Они ведь все время убегали, значит, опасались. Иван Данилович считал, что такое поведение вызвано обычным животным страхом перед более крупным существом.

На каждый гараж он тратил от силы пару минут. Отворил дверь или воротину, быстренько прикинул фронт работ, мысленно записал результат в кондуит и двинулся дальше. Мусора хватало. Кое-что можно было сдать на цветмет, но с таким количеством больше мороки, чем прибыли.

Внутри одного из гаражей луч фонаря упал на эмблему ЦСКА. Иван Данилович улыбнулся, осветил флаг армейцев на стене и решил тут задержаться. Гараж, несмотря на захламленность, был довольно уютным. В дальнем углу пылились стол с табуреткой и креслом, а чуть правее на коротких ножках стояла «буржуйка», врастая дымоходом в крышу. К одной из стен были привинчены полки, на которых под слоями паутины хранились запчасти, консервы, аптечка и даже игрушки. Иван Данилович снял оттуда пластмассового медведя, тряхнул его, и медведь закатил глаза. Коробки с пожелтевшими фотографиями, футбольный мяч с росписями-закорючками, дипломы и благодарности в рамках – здесь уместилась чья-то жизнь.

По крыше от стены до стены что-то простучало. Пробежало. Звукопроводимость была прекрасная – все равно что выйти под град с кастрюлей на голове. Тук-тук-тук. Иван Данилович посветил наверх – дыр не обнаружилось. Он сглотнул, поправил козырек кепки и обернулся к двери. В еле заметных отсветах уличных фонарей на изгибах ворот плясали причудливые тени. По земле, точно призрачный кисель, стелился туман.

«Нужно шуметь», – думалось Ивану Даниловичу, пока стук приближался к воротам, а тени вырисовывались в облезлые ветки. Стены этой железной коробки тут же разнесут любой звук, нужно как следует пнуть, громыхнуть что есть силы… Но силы покинули Ивана Даниловича. Их хватало ровно на то, чтобы светить в участок над воротами, где шевелилась тьма, где ее щупальца складывались в пальцы с бесконечным числом фаланг.

Со стороны пустыря донесся кошачий визг. Следом еще один. Похоже, самцы делили территорию. Тени дрогнули, стук прошелся вниз по стене и растворился в шепоте ветра в дымоходе.

Иван Данилович выбрался наружу и закрыл гараж, попав ключом в замочную скважину лишь с третьего раза. Туман загустел и оплел землю молочной паутиной. Осматривать последний гараж совершенно не хотелось.

– Ну что, Иван Данилыч, выбрал?

Из-за громыхания поезда он не услышал, как подошел Олег. Сердце в груди отстукивало тот же танец, что и ветки на крыше несколько минут назад. Быстро и противно.

– Да, Олежа, можешь записывать. Этот вот только не успел проглядеть.

– Ну так давай посмотрим, какие проблемы.

Олег забрал связку ключей и ловко скинул навесной замок. Скрипнул проделанной в воротах дверцей, шагнул внутрь и тут же вылетел обратно.

– Матерь божья, ну и вонища! Крыса, видать, сдохла. А то и не одна. – Он прикрыл дверь и состроил брезгливую рожу. – Тьфу. Не хватало нам еще падаль разгребать.

Последний гараж оставили на откуп дневным сменам, пусть между собой делят такое богатство. Олег зафиксировал в блокнотике выбор Ивана Даниловича и ушел на территорию. Иван Данилович заговорил было о странностях на базе, о звуках и тенях, но, увидев недоумение на лице Олега, перевел все в шутку. Ветки остались только их проблемой.

Олег забрал и фонарь, и связку ключей, но последний гараж запирать не стал. Иван Данилович поднял с земли кусок арматуры и от души постучал по стенкам. Нужно было проверить догадку. Когда гараж перестал гудеть, он включил фонарик на телефоне и шагнул в смрадную коробку. Дышалось с трудом, но задерживаться тут Иван Данилович не собирался.

В покореженной стене на уровне потолка была дыра. Ее рваные края загибались внутрь, напоминая ржавые челюсти. Иван Данилович вспомнил, что во время урагана два года назад на один из гаражей завалился столб. Он прошел чуть дальше и обнаружил закладку. За горой старых покрышек располагалось крохотное кладбище. Тела были в разной стадии разложения, поэтому не все можно было так сразу распознать. Пара голубей, собака, то ли гигантская крыса, то ли кошка с облезлым хвостом, а еще… Иван Данилович дернулся, ударившись коленом о мотоциклетную коляску, и взвыл. На полу покоился трупик ребенка.

Когда в дыре что-то завозилось, Иван Данилович вылетел прочь. До следующей смены ему предстояло многое обдумать.

Они собрались в бытовке. Пал Палыч налегал на коньяк, Сашок курил, пуская кольца дыма под потолок.

– Падальщик, значит. Ну тогда это многое объясняет, етиху мать.

– А не должны мы полицию вызвать, не? Или МЧС? – спросил Сашок. – Ребенок же, это тебе не пес чихнул, я извиняюсь. Пускай разбираются, ищут убийцу, а там, может, наткнутся на ветки эти чертовы.

– Дело говорит Сашок. Ты вообще уверен, что именно ребенка видел? Вдруг кукла какая?

Иван Данилович задумался. Было темно, он нервничал, задыхался от запаха, прислушивался к каждому шороху. Мог и напутать, нафантазировать. Но трупик этот до сих пор стоял у него перед глазами. Слишком реальный, чтобы быть выдумкой. Как бы ни хотелось обратного.

Закрыв ворота и оставив собак за главных, они двинулись к гаражам. Сашок прихватил с собой алюминиевый прут, Пал Палыч обновил батарейки в фонаре-прожекторе и теперь нервно гонял электрический кружок по всей округе. По путям буквально в паре десятков шагов то и дело грохотали составы, по направлению к метро светились огоньки, но в промзону спустилась непроглядная тьма, едва разбавленная подслеповатыми уличными фонарями. Цивилизация была рядом и одновременно бесконечно далеко отсюда.

Воняло так же, но трупов не было. Ни одного. Фонарный луч облизал каждый закуток гаража и уперся в лицо Ивана Даниловича.

– Перепрятал… Учуял, значит, опасность. Засуетился, паразит.

Пал Палыч опустил фонарь.

– Умная срань.

– Так делать-то чего теперь? – спросил Сашок, проводя прутом по краям дыры. По входу в нору. – Идеи есть?

Иван Данилович сжал в кармане ключ от гаража с «буржуйкой». Идея была.

Пока Пал Палыч ходил за канистрой, Иван Данилович собрал сушняка у гаража, подготовил старых газет на растопку. Тщательнейшим образом проверил печь – особенно засов на дверце и заслонку. Похоже, ветки затаскивали добычу по стене, но хватит ли им сил выбраться из «буржуйки»? Иван Данилович надеялся, что нет. Одно дело – тащить, как те же муравьи, и совсем другое – выламывать железо. Дымоход был достаточно широким, но веткам хватило бы и мелкой щели. Главное, чтобы они учуяли запах.

На вид корпус гаража был целым, без дыр и лазеек, куда можно протиснуться – Пал Палыч прошелся с фонарем от и до. Снаружи крикнул Сашок, и ему открыли ворота. Он закатил внутрь тачку, вытер лоб и сплюнул.

– Последний раз я такой херней занимаюсь! Нашли, ёптыть, разорителя могил!

Альма выглядела – и пахла – ужасно. Она больше не напоминала собаку. В тачке лежал комок из грязной шерсти, сломанных костей и мяса, в котором что-то копошилось. Останки Альмы облили бензином и уложили в печь на сушняк, газеты и обломки деревянного манежа. Пал Палыч подцепил лопатой выпавший из «буржуйки» шмат и, выйдя из гаража, закинул его на крышу. Поближе к трубе.

Они заперлись на все засовы и стали ждать.

Фонарем по-прежнему руководил Пал Палыч, так что луч света беспрерывно гулял по гаражу и откликался на любой шорох снаружи. Запах бил в нос, норовил свалить, но они терпели.

Через три часа они сроднились и с запахом, и с темнотой. Сашок откинулся в кресле, сжимая в руке прут и зевая, как заведенный. Пал Палыч зафиксировал фонарь на столе и направил свет на печку. Иван Данилович крутил колесико зажигалки, наблюдая, как от коротких вспышек раскалывается мрак.

По корпусу с той стороны что-то царапнуло. Труба шевельнулась. Сверху понеслось знакомое «тук-тук-тук». Сашок вскочил с места, Иван Данилович поджег свернутую в трубочку газету.

– Ну, с богом… – прошептал Пал Палыч, хватаясь за заслонку.

По дымоходу вниз заскользило, поползло, зашипело. Ветки опустились в Альму, засопели, будто внутри включился насос. Чавкнула гнилая плоть. Пал Палыч скрежетнул заслонкой, отрезая твари путь наверх. Глаза-почки раскрылись и уставились на Ивана Даниловича.

– Не спи!

Иван Данилович почувствовал жар на пальцах и пришел в себя. Он бросил горящий комок в печь, и огонь накинулся на добычу. Сашок тут же захлопнул дверцу, дернул ручку засова. В печи с жутким воем заворочалось нечто.

«Буржуйку» трясло, дым валил в гараж. На крыше загрохотал дождь. Пламя в печи пожирало ветки, но тварь ломилась наружу. Одна паучья лапа сумела пролезть под дверцу. Сашок охаживал ее прутом, когда петли не выдержали. Дверца отлетела, и из «буржуйки» в снопе искр вывалилось обугленное существо. Состоящая из одних только конечностей тварь шарахнулась в сторону и воткнулась в угол гаража. Многочисленные лапы перебирали в воздухе, цеплялись за стены и вскоре оказались на потолке.

– Ёптыть… – выдохнул Сашок.

Ветки упали на него и ввинтились внутрь. Сашок рухнул на колени, изо рта брызнула кровь. Через дыру в спине торчали черные лапы. Тварь зарывалась глубже. Пал Палыч шагнул к Сашку, но тот дернулся всем телом, заорал. На руках лопалась одежда, а с ней и кожа.

– С-с-с… – прошелестел Сашок, из последних сил указывая на канистру. – С-спал-лите…

Из его горла вырвалась ветка, и Сашок повалился на спину. Он умер. У Ивана Даниловича все плыло перед глазами, но он сообразил, что ветки оказались в ловушке. Им не хватало сил, чтобы выбраться из тела.

– Срань такая, гореть тебе, сука, с потрохами!

Пал Палыч опорожнил канистру на Сашка и придавленную его телом тварь. Росшие сквозь плоть ветки шевелись все медленнее.

– Сука!

Иван Данилович нащупал зажигалку. Он посмотрел на Пал Палыча, тот кивнул. Свет сдвинутого в суматохе фонаря разрубал гаражную тьму по диагонали, отсекая фрагмент с Сашком и ветками. В печи до сих пор полыхало, крошечные островки огня были и на полу. Барабанная дробь дождя стала оглушительной.

– Неправильно это… – прошептал Иван Данилович.

– Поджигай.

Иван Данилович присел и крутанул колесико над лужей бензина. Пламя волной прошлось до Сашка и принялось жевать труп. Ветки задергались, почуяв огонь. Зашипели. Тело Сашка шевельнулось, будто пытаясь подняться.

Иван Данилович сполз по стене и зажал уши, стараясь заглушить предсмертные крики твари. Ветки беспорядочно вырастали из тела Сашка и колотились об пол. Брызгами разлеталась кровь. Вокруг в каком-то страшном танце наползали друг на друга тени.

«Все это неправильно, – подумалось Ивану Даниловичу. – Жутко». Смрад горелой плоти подгонял тошноту. Дым заволакивал гараж, мешал дышать. Нужно было выбираться. На свежий воздух. Под дождь.

И только когда Пал Палыч освободил ворота от запоров, Иван Данилович опомнился. Чувство неправильности проснулось в последний раз. Он слышал только удары дождевых капель о крышу, но не характерный шум. Не стелющееся по земле «ш-ш-ш»… Это понимание пришло за долю секунды. Так же быстро, как в Пал Палыча перебралось паукообразное существо с двери. Так же быстро, как оно протянуло внутри свои ветки и вырвалось сквозь кости, мышцы и одежду. Так же быстро, как живой человек превратился в разорванный на части труп, ожидающий «дозревания».

Не было дождя.

Не было догхантеров.

Не было одной неведомой твари на отшибе города.

Иван Данилович пытался подсчитать количество вползающих в гараж существ. На своих бесконечных ножках они двигались по полу, по стенам, по потолку. Спешили к нему.

Он бросил считать, когда ветки проткнули кожу сзади. Казалось, позвоночник пробирается вглубь тела. Извивается, роет ход. Внутри лопалось и рвалось. Иван Данилович упал на колени и заметил свою тень на стене. Он напоминал динозавра с большим спинным гребнем. Олежка таких очень любил.

Вспомнить название динозавра он не успел. Ветки вошли в мозг, и Иван Данилович умер.

Мешок без подарков

Если долго вглядываться в Деда Мороза, Дед Мороз начнет вглядываться в тебя. У Ницше было чуть-чуть по-другому, но ему не доводилось оказаться в Великом Устюге перед самым Новым годом. Город наводняли седовласые бородачи всех мастей и возрастов, однако такого подозрительного за свою недолгую карьеру Снегурочки Кира еще не видела. Маленький и сморщенный, точно соленый огурец, в дырявой шубе наизнанку, вместо шапки – серебристый колтун, перетекающий в бороду из сомнительного реквизита. Страшилище росло из сугроба у обочины, а на вылепленном из грязного снега лице сверкали отблески лунного света. Даже в темноте чудилось, что невидимые глазки наблюдают за ползущими по дороге санями. Словно в ледяную корку был замурован бродяга, который вот-вот поднимет руку и попросит подвезти.

Санями управлял Марк, самый странный Дед Мороз из тех, что доставались Кире в напарники. Энергичный и веселый во время выступлений, любимец детей и лучший друг родителей, за порогом он превращался в угрюмого молчуна. Сгорбившийся на сиденье Марк больше походил на Харона в лодке с мертвецами, чем на волшебного старичка с полными санями подарков.

– Мне так-то за хорошее настроение не доплачивают, – жаловался он с утра, едва не подпалив накладную бороду сигаретой, – поэтому и веселюсь я в строго оговоренное время, после предоплаты.

Вот и сейчас он был отключен от внешнего мира. Гнал вперед болезного вида кобылу и мотал головой под звон многочисленных колокольчиков. Идея с санями и лошадью принадлежала начальству. Клиенты довольны, в городе встречают целыми дворами, заказов полно, значит, и цену поднять не грех. А то, что кому-то в этой повозке мерзнуть весь день, так это дело житейское, бывает. Зато платили очень прилично, особенно по меркам студентки великоустюжского меда, которая только начинала самостоятельную жизнь.

Кира куталась в пледы и всматривалась в огоньки впереди. Новогодняя ночь выдалась безоблачной, спокойной. В ногах, как любимый кот, урчал переносной генератор, раскрашивая повозку во все цвета электрической радуги. Свет редких фонарей вдоль трассы выедал в темноте оранжевые треугольники, точно куличики из песка. За спиной в городе громыхали первые фейерверки. Машин практически не было.

Они проехали взятый в плен шеренгами елок участок дороги и миновали деревню Журавлево. Прямо по курсу лежал последний пункт назначения – Коробейниково. Последний, но самый важный, потому что этот визит Кира оплатила из своего кармана.

– Как мальчишку зовут? – спросил Марк.

– Коля. Ты только по стишкам его не гоняй долго, не любит он их. И не пей с отцом, а то тому лишь бы повод.

Марк хмыкнул:

– С тем не пей, с этим… Так и околеть недолго.

– Успеешь еще, десятый час только, – сказала Кира, проверяя мобильник. В общаге все сейчас шампанским год провожали, а ее от одного вида застолий выворачивало. За неделю насмотрелась на много лет вперед.

– Ну-ну, – пробурчал Марк, и сани покатили к деревне.

Их встретили на улице большой компанией, но предложить Деду Морозу рюмку никто не догадался. Марк распрямил горб, расправил плечи и фирменным басом принялся расписывать свои приключения на пути сюда. Кира с улыбкой смотрела на довольного Кольку. Он носился по снегу, запрыгивал в сани, пытался читать стихи, прятался за взрослых, а потом выныривал

в маске медвежонка, на которого и впрямь был похож в своей лохматой шубе, ушанке и рукавицах.

– Вот это Топтыгин! – воскликнул Дед Мороз. – Ну и егоза!

– А как зовут вашу лошадь? – поинтересовался Колька, мастер нескончаемых вопросов на любую тему. – А почему она одна? Должно же быть три!

Марк на секунду завис, а потом вспомнил про мешок:

– Давай-ка мы лучше посмотрим на подарочки!

Только пара цветастых коробок смогла угомонить Кольку, который собирался кормить лошадь конфетами. Пока брат раздирал упаковку прямо в санях и под чутким наблюдением Марка изучал игрушки, отец бубнил Кире на ухо. Рассказывал, как ходил за елкой и как сильно-сильно соскучился по своей доченьке любимой, Снегурочке-красавице. Хвастался другом, который обещал устроить на работу в очередной раз. Но Кире было неинтересно слушать заплетающийся язык, неинтересно смотреть на залитых по самые веки папиных гостей. Интересовал ее только снеговик у соседнего дома, схоронившийся в тени крыльца. Снеговик, сделанный под Деда Мороза. Шуба наизнанку, борода, грязный снег вместо лица – все то же самое, только у этого был посох в виде громадной сосульки.

– Ну а чего губы надула-то? Чего такого-то? – говорил отец, по-своему расценив молчание Киры. – Ну посидели. Ну выпили, да, выпили. Так ведь праздник, все как полагается ведь. Что ж нам, плакать тут, что ли?

– Мама и в Новый год в больнице дежурит, – с трудом сдерживаясь, произнесла Кира, – а ты тут чего устроил?

Дружки отца помалкивали, запихнув руки в карманы и переминаясь с ноги на ногу. Эта компания черных истуканов напоминала Кире колядующих времен язычества, которые изображали духов. Вместо масок – проспиртованные пластиковые лица, вместо «деда», самого страшного и молчаливого духа – жуткий «снегомороз» с ледяным посохом. Оставалось вывернуть тулупы и пойти колядовать по деревне.

– Мама твоя, знаешь, мама – она еще о-го-го как со своими там отметит, нам всем не снилось. Вспомнила маму, ишь. Вспомни еще, где и с кем она там в городе ночует, пока мы с Колькой тут вдвоем, сами по себе.

Колька вовсю хозяйничал в санях. Дергал за поводья, гремел колокольчиками и пытался раздобыть еще подарков. Кира хотела подойти к снеговику поближе, рассмотреть это странное чучело, но отец взял ее под руку и зашептал, точно заговорщик:

– Кир, понимаешь, ну… тут ведь случай какой. Возьмите Кольку на часок, а? Покатайте там, туда-обратно, красота ведь кругом какая. Зима, чудеса. Тепло ж на улице, а Кольке как раз нужно шубу новую выгуливать. Мне сходить там надо, ну, по делу одному.

– К Кате этой, что ли? Или как там ее? Может, вам еще и постелить в моей комнате?

Отец поморщился и опустил голову, разглядывая следы на снегу. Нервно пожал плечами, как виноватый школьник. Он был жалок и сам это понимал.

– Зря ты так, я ж ведь…

Казалось, холод чуточку прояснил сознание, прочистил мозги, но вернувшаяся на лицо ухмылка разрушила иллюзию.

– А, ладно. Колька! – крикнул он, повернувшись к саням. – Поедешь с Дед Морозом кататься, а? Салюты в городе смотреть поедешь? С лошадкой на санках!

После такой подлянки загнать ребенка домой не было ни единого шанса.

Их ждали на пересечении Гледенской и Песчаной улиц, километрах в пяти от деревни. Марк, отключивший режим доброго Деда Мороза, просто взбесился, узнав о новом пассажире. Видимо, решил, что обратно везти Колю именно ему и второй ходки не избежать.

– А ваша шуба теплей, чем моя?

Марк убедительно прикидывался глухонемым, но Колька не сдавался:

– А вы когда-нибудь залезали в дом через трубу?

Кира усмехнулась, похлопала Марка по плечу, но тот наотрез отказывался развлекать ребенка.

– А из чего делают бороду Деду Морозу?

– Коля, видишь, дедушка устал, старенький он, так что лучше к нему не приставай, – сказала Кира, заворачивая брата в плед.

– Да я знаю, что он ненастоящий Дед Мороз. И даже не дедушка никакой.

– Господь всемогущий, – притворно изумился Марк, на развилке уводя сани вправо, – нас раскрыли!

Колька захохотал, и ребяческий голос эхом зашагал по пустынной дороге.

Греться под пледом оказалось слишком скучно. Кольке не сиделось на месте, он вылавливал крупные снежинки, теребил светоотражатели и лампочки, криком «ура!» встречал любой распускающийся в небе цветок фейерверка и привычно сыпал вопросами. С какой скоростью едут санки? Сколько осталось до Нового года? Когда приедет мама? Почему второй Дед Мороз такой маленький?

И тут Кира увидела его сама. Это был не снеговик. Знакомый коротышка стоял посреди дороги, выглядывал из шубы-кокона, а с его лица сыпались льдинки, точно лоскуты мертвой кожи. Оттаявшая борода походила на собачью шкуру, в черном провале пасти кривым частоколом наползали друг на друга челюсти.

– Привет, Дед Мороз! – закричал Колька.

Старик повернул голову к мальчишке, вдохнул и со свистом выпустил воздух. Лошадь заржала и дернулась вперед. Чертыхнулся Марк. Ледяной вихрь ударил в сани, окутывая их серым крошевом. Кира повалилась на пол и прикрыла собой Кольку. В спину вонзились холодные колючки, мороз сдавил кости. Стало нечем дышать.

– Пошла! Пошла! – орал Марк в молочном тумане.

В небе вспыхнул огненный шар и развалился на тысячи искорок. Вторая волна фейерверков смела с неба темноту, и облако снежинок над санями рухнуло в дорожную кашу. Все затихло.

– Вот это круто! – рассмеялся сквозь кашель Колька.

Кира высунула голову и посмотрела назад. Старик зарывался в снег у деревьев, утаскивая с собой здоровенную палку, похожую на замороженный сталактит. Чертов посох…

– Кир, а это ж он был, да? Ну, Злой Мороз? Помнишь, ты рассказывала? Если я буду плохо себя вести, придет вот он, страшный такой. Бог язычный.

Кира помнила. Дернул ее черт попугать любопытного братишку, хотя кто в Устюге не знает историю Деда Мороза? Вот она и рассказала о не самой популярной его личине.

– Не говори глупостей, я же шутила.

– Значит, детей он не ворует? – с недоверием спросил Колька.

– Никого он не ворует, успокойся. Просто дедушка много выпил, вот и все.

– Как наш папа?

– Нет, наш папа гораздо лучше. Ого, смотри какой салют!

До города оставалось совсем чуть-чуть. Дорога тянулась сквозь лесной коридор, который сторожили заснеженные ели-великаны. В обычные дни машин тут хватало, но не сейчас. Марк дозвонился до начальства, и теперь их должны были встретить еще раньше – у поворота на железнодорожный вокзал. Черноту неба все чаще прорывали разноцветные вспышки, лошадь перестала дергаться, а чокнутый старик сгинул в сугробе за спиной. Больше никаких причин для волнений не было. Кира попыталась улыбнуться брату, но лицо все еще не отошло от прикосновения мороза. Деда Мороза… Прежде чем согласиться на подработку Снегурочкой, Кира перелопатила кучу сайтов в поисках информации о новогодних традициях и героях. Она решила изучить образ Деда Мороза поглубже, раз уж собралась стать его помощницей. Тогда-

то и выяснилось кое-что интересное. Добряком Дед Мороз был далеко не всегда. В стародавние времена его считали жестоким языческим богом, сыном Мары-смерти. Он собирал человеческие жертвоприношения и замораживал не только леса с реками. Повелевая пургой, губил урожаи, убивал животных и даже людей. Неспроста ведь в поэме Некрасова «Мороз, Красный нос» встреча с Морозом-воеводой для героини закончилась плачевно. В памяти всплыли строчки оттуда, после которых Колька отказался заучивать даже отрывок:

Люблю я в глубоких могилах
Покойников в иней рядить,
И кровь вымораживать в жилах,
И мозг в голове леденить.

Тепло ли тебе, девица?.. Кира поежилась и вдруг поняла, что стало холоднее. Заметно холоднее. А еще – что они сбрасывают скорость.

– Ну, пошла!

Лошадь стала спотыкаться, скользить. Кира опустила взгляд на дорогу и увидела лишь лед. Гладкую зеркальную поверхность, по которой ползли черные трещины.

– Дед Мороз! – заголосил Колька, тыча пальцем в темноту позади. – Он посохом землю ковыряет!

Из земли выросли прозрачные, как колодезная вода, сосульки. Взметнулись вверх, подцепив лошадь, точно вилами, и разошлись в стороны. Сани опрокинулись набок, заорал среди кусков разорванной туши Марк. Налетевший ветер принес с собой запах гнилой картошки и ядовитый хохот.

Кира тащила за собой брата, который больше не веселился и не задавал вопросов. Он бесшумно плакал. Бежать было невозможно – лед пожирал дорогу, растекался до самого леса, лунками проваливался под ногами. Небо затянуло снежным маревом, и взрывы фейерверков больше не освещали округу. Волоча по земле посох, следом шел Дед Мороз.

Колька споткнулся, когда с ними поравнялся Марк. На лице мальчишки причудливым узором замерзла лошадиная кровь, а в глазах застыли слезы.

– А… ты… говорила… – всхлипывая на каждом слове, задыхался Колька, – что… шутишь…

– Коленька, родной мой, мы почти дошли уже. Давай, нужно вставать.

Пытаясь поднять брата, Кира увидела, что ноги его вмерзли в землю. Вокруг старых сапожек сомкнулись ледяные кандалы.

– Поймал меня…

Темная фигура за его спиной приблизилась и вытащила из-под шубы мешок.

– Марк, помоги!

Дед Мороз отбросил Киру назад и оскалился. Ловко сгреб Кольку в мешок, закинул его на плечо и шагнул к сугробу. Воткнул посох в снег, и из ледяной земли поднялся колодец.

– Нет! Стой! – крикнула Кира.

Дед Мороз перехватил мешок двумя руками и прыгнул. Кира бросилась к колодцу, но было слишком поздно. Кольцо из черных камней затянулось ледяной коркой и провалилось в подземное царство.

Когда зеркальную дорогу облизал свет фар, Кира копала. С неба тихонько спускались снежинки, а она вспоминала всякую ерунду. Как однажды Колька вылетел с крыльца встречать ее в день рождения, споткнулся и в праздничной одежке плюхнулся в лужу, окатив заодно и сестру. Или как почистил зубы папиным кремом для бритья, а потом всю неделю клянчил газировку, чтобы перебить гадкий вкус.

Захлопали дверцы машины. Зазвучали голоса.

– Он слишком, слишком рано появился. А я пытался, говорил ей, что нельзя мальчишку брать, но кто ж знал…

Это Марк. Самый странный Дед Мороз в их фирме. Вредный и ворчливый.

– Ох, жалко пацана… Но мало его. Не закроется колодец, не-а. На чуть-чуть только. Посох-то остался. М-да…

А это Семенов, дядька из руководства. Все его «м-да» и «охи» Кира запомнила еще на собеседовании. Хотя голоса ее больше не волновали. Нужно было разрывать снежную яму. Потому что внизу был Коля. Кира пыталась вытащить посох из земли, но от одного прикосновения промерзли насквозь варежки. Дальше она копала голыми руками.

– Все по плану, спокойно. Дорогу уже перегородили на всякий случай. Давно он в нашем районе не вылезал.

А это говорил кто-то чужой, с уверенным и спокойным голосом оператора службы техподдержки. «Здравствуйте, меня зовут Имярек, все разговоры записываются, чем я могу вам помочь? Какой-какой языческий бог?»

– Давайте скорее.

Когда ее схватили под руки, Кира завизжала. Ей нельзя было отрываться, плевать на сломанные ногти и окоченевшие пальцы. Под снегом был колодец, не мог он просто так исчезнуть. Киру оттащили к дереву, и огромные рукавицы с вышивкой в форме снежинки принялись обматывать ее веревкой.

Вокруг стояли Деды Морозы. Красные шубы, лица под масками из ватных бород, усталые глаза в свете фар. За спиной, в том месте, где исчез колодец, захрустел снег. Послышалось ворчание. Деды Морозы переодели шубы, вывернув их наизнанку, и отошли к дороге. У Имярека зажужжал телефон.

– База? Слышно меня? – прошептал он. – Шоссе «Эр» сто пятьдесят семь, Урень – Шарья – Котлас, околовокзальный участок. В этом году у нас проснулся, да. Остальным трубите отбой.

Лицо обдало студеным воздухом и запахом падали. В позвоночник кольнул холод. Из конечностей ушла чувствительность, снег запорошил глаза. Кира замерла, не в силах повернуть голову к фольклорной байке, Великому Старцу Севера. Она видела лишь троицу Дедов Морозов, чьи бороды в болезненном свете автомобильных огней напоминали черепа. Черепа смотрели не на ее парализованное тело, а немного в сторону. На того, кто обнюхивал новую Снегурочку, копался в белокурой косе, скрипел зубами. На старичка, без чьего присутствия не обходился ни один Новый год.

– Иначе нельзя, – сказал Имярек, переведя взор на Киру. – Прости.

Веревки ослабли, и Кира грохнулась, словно огородное пугало, срезанное с крестовины. Она больше не чувствовала холода, не чувствовала страха. Она не чувствовала ничего. У нее остался только перевернутый кусочек дороги в немигающих глазах.

– Иначе нельзя, – повторил Имярек и исчез в машине. За ним последовали остальные. Заурчал мотор, и их не стало.

Зашелестела по насту мешковина. Киру взяли за волосы и потянули. Дед Мороз погладил ее по лицу, и все заволокло темнотой.

В мешке пахло сыростью и Колькиным шампунем для настоящих супергероев.

Тесто

В очаге трещал хворост, дым по трубе полз к ночному небу. Снаружи шумела листва, кричали птицы. Сквозь щели в досках задувал ветер.

Дед смотрел в черноту за окном и прислушивался к шорохам. Животные уходили в сторону деревни, подальше от зараженной реки. От кроваво-молочной жижи с гниющей рыбой и болотистых берегов, где можно увязнуть, как муха в киселе. Но зверей поджидали.

Сторожку егеря бросили много лет назад, отдали на съедение природе. Опоясанная подлеском, она пряталась в глубине северной чащобы. Даже дед, родившийся в этих краях и знакомый с каждой кочкой, с трудом ее нашел. Здесь пугало не должно до них добраться. По крайней мере, не сегодня.

Внучка лежала у огня, укрытая крапивой и неровными тенями. На бледном лице подсыхали кровавые повязки. Кое-где тесто проникло слишком глубоко, и его пришлось срезать вместе с кожей. Но девочка дышала. Значит, надежда была.

Пугало отравляло все живое, искривляло саму явь. С каждым часом тесто проникало дальше в лес. Оно свисало с деревьев, словно огромная паутина, протягивало отростки меж стволов, вило петли-ловушки. В одну такую угодил дед с внучкой на руках, когда спешил к сторожке. Щупальце оплело ногу и сбросило его с тропы, но тут же потеряло интерес к охоте. Дед тихонько привстал и огляделся. Его защищали заросли крапивы. Тесто сторонилось их, ползло мимо. И это был шанс.

Он закончил связывать крапивные стебли и примерил накидку. Руки горели, ныли волдыри на ладонях, но боль придавала сил. Дед поцеловал внучку, подхватил ружье и вышел за порог. В этой части леса тесто еще не показывалось, однако нужно было спешить. Дед включил фонарь и двинулся в путь. Через час он наткнулся на первые коконы. Тесто волочило добычу туда, где все началось. Где они выдернули из земли небывалых размеров репу и в открывшемся провале нашли черную трубу.

Над деревней плыл дым. Искореженные дома поедало зверье, а с крыш к нему спускалось тесто. Горели огоньки глаз в тени дворов, слышался вой. В сырой траве змеи сплетались с червями.

Дед вошел в родную избу и осветил помещение. Дом стал игрушечным, ненастоящим. Мебель блестела шоколадной коркой, по пряничным стенам струился сироп. В стеклах, будто в янтаре, застыла мошкара.

Через выходящее на огород окно был виден край ямы с огнями. А рядом – неподвижное пугало, раскинувшее руки в стороны. Отовсюду к нему тянулось тесто, из провала в земле шел дым, обволакивая тощую фигуру. Дед сам набивал соломой старые штаны с рубахой, сам вешал это чудище на крестовину. Но теперь вместо дырявого ведра на плечах пугала сидела хлебная голова с вросшими в мякиш угольями глаз.

У картофельных грядок высилась гора костей. Длинных и мелких, цельных и расколотых, слишком больших для человека и будто бы детских. Когда щупальца притаскивали к пугалу коконы, оно оживало. Вспарывало серпом тягучую оболочку и разрывало трупы. Головы летели в яму, кости – на верхушку пирамиды. Мяса почти не было, всю плоть успевало высосать тесто.

Под сапогом деда лопнул вафельный пол, и пугало вывернуло голову к избе. Нога ухнула в трещину, снизу дернуло липкое, сильное. С потолка поползли длинные тени. Дед сидел над дырой, срывая с накидки крапивные листья и сбрасывая их во тьму подпола. Дом словно пытался откусить ему ногу, а снаружи, все ближе и ближе, свистел серп и шелестели соломенные шаги. Наконец тесто ослабило хватку, и дед вырвался. Перекатился на спину, поднял ружье. Сердце стучало в грудину, дрожал палец на спусковом крючке. Пугало проломило окно. Дед выстрелил. Заслонивший луну ржаной колоб разорвало на части.

Тесто отступало. Трещали стены, оседал пол, с потолка сыпалась сахарная пудра. Снаружи гудело и гремело, окна заволакивало черным дымом. Дед добрался до погреба и оторвал крышку. Снизу дохнуло холодом и… падалью.

Дед спрыгнул с лестницы, упал на колени перед коконом и трясущимися руками стал срезать тесто. Сквозь желтый саван проступила кровь. Капли пота катились по лицу и застревали в бороде, моргал свет фонаря, но дед освобождал тело кусок за куском. Он продолжал работу, даже когда вместо кожи увидел гнилое мясо с торчащими костями. И лишь череп с кульком седых волос заставил его поверить.

Когда они обнаружили трубу, на глубине их услышали. Почувствовали. Дед схватил лопату и начал копать. Он стирал ладони в кровь, ломал черенки, чинил их и ломал опять, пускал слюни и вместе с Жучкой рыл яму голыми руками. К вечеру он полностью освободил от земли громадную печь и рухнул без сил на дно воронки. Его трясло в припадке, а из печи кто-то тянул к нему едва видимые пальцы, кто-то звал по имени, рвался на свободу. Сверху, как настоящая ведьма, хохотала бабка. Она забыла про отнявшуюся ногу, наколола дров, выпотрошила домашнюю живность и замесила особое тесто. Внучка отмыла печь и кровью нарисовала на ней глаза. Пришла пора готовить колоб. Вспыхнул огонь во мраке печной пасти, и в могильном холоде воронки закричал дед…

…Дед кричал в сыром провале погреба. Ему пришлось выбирать, он не мог унести из дома двоих. Когда они опомнились, тесто было повсюду. Внучку уже облепило, а бабка… Она совсем обезумела. В погребе казалось безопасно, здесь не было щелей, не было этих туннелей в земле…

Сверху на него рухнуло пугало и всадило серп между ребер. Дед взвыл. Над ним нависла голова – обглоданный полумесяц, треть колоба с уцелевшим глазом. Тесто запечатывало выход.

Он вынул из-за пояса нож, которым рубил крапиву, и воткнул его в мякиш. Пугало вздрогнуло, попыталось отпрянуть, вытащить серп. Дед оскалился и ухватил свободной рукой ворот рубахи. Ножом он полосовал чертов хлеб, размельчал уродливую голову, не давая пугалу вырваться. Крошево забивало ему ноздри, попадало в глаза, рот, застревало в волосах и одежде. Соломенное туловище содрогалось в беззвучных конвульсиях, пока, обезглавленное, не затихло навсегда.

Дед шагал к яме, а тесто расступалось перед ним и отползало к куче костей. Печь дышала жаром, дым из трубы пах мокрой псиной. Ее бока раздувались, как набитые едой щеки. Громадные кровавые глаза пожирала копоть, в пылающем зеве ворочались языки теста. Через тлеющие на земле угли и островки огня тянули они внутрь отрубленные головы. Печь разбухала, сквозь возникающие тут и там трещинки пробивалось пламя.

– Объелась, падаль ты нечистая?.. – прохрипел дед и сбросил вниз серп и остатки пугала. Солома тут же загорелась. – Подавись!

Он зажал рану и побрел в сторону леса. Пряничные домики падали один за другим, словно собранные из колоды карт. В небе галдели вороны. Когда деда укрыли переплетения веток, за спиной раздался оглушительный взрыв.

До сторожки он добрался вместе с рассветом. Сосновые пики подкрашивал багрянец, в тумане увязали черные стволы. Остатки подлеска пожирал кисель. У деда не было сил бежать, он просто шагал по чавкающему в земле молоку и вглядывался в леденцы на двери сторожки. Под крыльцом по-змеиному ворочались клубки теста.

Внучка была жива. Дед взял ее на руки, и ребра пронзила боль. Кровь по телу сползала в сапог.

– Красавица ты моя спящая… – прошептал дед. – Мы выберемся. Обещаю.

Он верил в это около минуты. Ровно до тех пор, пока не вынес внучку из сторожки. Пока не увидел идущее сквозь лес – и над лесом – пугало. Обгоревший колоб размером с печь на новом туловище.

Дед присел на крыльцо и погладил внучку по слипшимся волосам. В траве птицы клевали хлебные крошки, по которым и шло пугало. Пахло хвоей и сладостями. Из-за верхушек деревьев выплывал солнечный диск, а навстречу ему шагал гигантский идол, собранный тестом из звериных и человечьих костей.

Повелители мелков

Город рос не по дням, а по часам. Мосты перепрыгивали реки, каменные коробки с людьми обрастали зеленью, парки множились в каждом районе. Дружные хороводы машин везли своих хозяев на работу, а веселые стайки птиц в солнечном небе даже и не думали гадить на головы прогуливающимся по набережной старичкам.

Город толстел, город удлинялся. Его границы сторожили танки с зелеными солдатами, а на центральной площади довольных жителей поливал огромный фонтан. По железной дороге катался поезд с доверху набитыми деньгами вагонами – развозил зарплату. А рядом с депо отворил двери магазин шоколадных конфет. Он был такой огромный, что даже непонятная корова-великан не могла накрыть его своей тенью.

– Аленка! Ну что ты тут нарисовала опять?!

Девчушка поморщилась и с высунутым языком подкрасила корове хвост.

– Это коровка, – смущенно сказала она измазанному мелками Максиму.

– Да какая это коровка?! Это ж целая Годзилла!

Левка, выцветший на солнце восьмилетка, похожий на альбиноса, отвлекся от создания кинотеатра своей мечты. Он глянул на друзей-одноклассников и ядовито захихикал.

– А ты чего ржешь? Это чудище хвостатое нам тут все портит!

– Тебе никогда ничего не нравится! – возмутилась Аленка. – А коровка тут просто травку жует, ты сам вон какой луг нарисовал!

Максим закатил глаза. Когда он сам себя назначил начальником города, то и не думал, что придется так тяжело. Двое помощников постоянно пытались изобразить что-то непонятное, идущее вразрез с его задумками. Но, даже несмотря на это, результат общих трудов не мог не радовать. Город на асфальтовой дороге стал настоящим украшением парка. Прохожие подбадривали детвору, подбрасывали идеи, а старшие ребята, которые поначалу приписывали к рисункам нехорошие слова, быстро оставили их в покое. Теперь даже девчонки рисовали квадраты для своих «прыгалок» ближе к центру парка, оставляя место на асфальте либо для судоходного причала, либо для аэропорта.

– Да не жалко мне, – чуть успокоившись, говорил Максим, – только чего она у тебя такая здоровая? Мы ж ее не прокормим.

– Она, ну, просто она такая… Не знаю.

Левка вновь захихикал, потирая замазанное зеленкой колено.

– Ладно уж, пусть до утра попасется, – сказал Максим. – Хватит на сегодня, а то меня мамка уже три раза звала.

– Ага. – Левка кивнул. – Мне вообще по шее дадут, опять чумазый весь приду.

Аленка, в отличие от мальчишек, умудрялась оставаться идеально чистой, хотя мелков расходовала больше всех. У Максима даже возникали подозрения: уж не ест ли она их?..

Шагая на родной седьмой этаж мимо давно застывших лифтовых дверей, Максим не мог сдержать улыбки. Город получался чудесный, в таком сказочном царстве не отказался бы жить любой человек. Даже сам президент! Создавать этот мир было настолько увлекательно, что неразлучная троица проводила едва ли не все свободное время у входа в парк, где и ширился их асфальтовый холст. Дождей не было как по заказу, так что рисовать никто не мешал. Единственное, что огорчало Максима, так это никак не шедшее в голову название. Грешно было оставаться такому городу безымянным.

Дома Макса заставили съесть целую тарелку борща, а папка сказал, что в следующий раз придется мыть сына из шланга. Спать Максим отправился, как всегда, на балкон. Мягкий матрас и любимое одеяло уже давно дожидались хозяина, а за окнами ворчали полчища насекомых. Это лето выдалось очень жарким, за день стены прогревались так сильно, что ночью

в комнате нечем было дышать. Поэтому Максим и переполз с липкой и горячей кровати на проветриваемый и прохладный балкон. Обидно только, что следом за ним ушли и комары.

На следующее утро ребят ждали неприятности. От коровки остались только полупрозрачные линии-кишки, но не это было самым страшным. Город изменился. Зелень словно отцвела, по высотным домам пошли трещины, а поезд обокрали, выпотрошив все вагоны. Кроме того, на месте центральной площади расползлось какое-то болото с вытянутыми из жижи черными перекрестьями. Кладбище.

– Это… это… Как это?! – тараторила Аленка.

Максим в ужасе смотрел на старания неизвестных и не мог выдавить ни слова. Ладно еще найти собачью какашку в городском пруду – ничего страшного, это все-таки парк, – но такое! Рисунки были весьма неплохи, так что времени они отняли прилично. Получается, кто-то заранее это спланировал, а потом и провернул. Но когда? Неужели ночью?

– Старшаки, козлы! – выплюнул Левка, косясь поросячьими глазками на кинотеатр, который переплетали стальные цепи с амбарным замком.

– Ничего, – процедил Максим, – мы все поправим. И сделаем еще лучше!

Вновь закипела работа, засверкали на солнце разноцветные мелки. Пыхтящие ребята устраняли последствия чьей-то злой шутки, ползая по асфальту, как муравьи. Сложнее всего пришлось с кладбищем. Разгоняя мрачность, Аленка превратила кресты в деревья, а Максим на ходу выдумывал зверей для будущего заповедника. Левка же с осторожностью хирурга освобождал от пут кинотеатр, стараясь не протереть в его стенах дыры.

К обеду город вернул свое великолепие, что не осталось без похвалы гуляющих в парке молодых мам с колясками. Солнце жарило нещадно, поэтому ребятня перебралась к фонтану. Там все опустили руки в холодную воду, а потом сделали себе смешные прически.

– А если они опять все испортят? – спросила Аленка.

– Может, оставим часовых? – предложил Левка.

– Да у нас и так здесь целая армия, – усмехнулся Максим.

Левка хитро посмотрел на друга и выдавил фирменное зловещее хихиканье. На таком солнцепеке бледная кожа Левки будто просвечивалась, поэтому сейчас он напоминал призрака.

– Я имею в виду настоящих часовых.

– Ночью? Ты что, мне папка таких часовых устроит, мало не покажется!

– Ага, – кивнула Аленка, – я даже спрашивать не буду.

Левка развернулся и опустил босые ноги в фонтан, имитируя движения ластами.

– Да и мне не разрешат, – сказал он. – Но я ж могу и не спрашивать, первый этаж все-таки. Окно не так высоко.

– А обратно как?

– Что-нибудь придумаю.

– Знаем мы тебя. Придумаешь домашний арест до конца лета.

Друзья загоготали, а потом вода из фонтана в их руках превратилась в опасное оружие. Спустя пару минут довольные и насквозь сырые повелители мелков, как их окрестили зеваки, шлепали к дому. За ними оставались отпечатки ног, а чуть в стороне жил своей жизнью небывалых размеров город на асфальте, имя которому еще где-то зарождалось.

Днем позже родители Аленки утащили дочь в зоопарк показывать жирафа, поэтому новый образ города довелось увидеть лишь Максиму и Левке. Кинотеатр сгорел дотла. На железной дороге выстроилась вереница людей, закапывающих останки поезда. Все здания приобрели заброшенный вид, в парках царило запустение. Огромные очереди змеились всего к двум открытым заведениям – булочной и водонапорной башне. Все остальное, включая магазин конфет и заповедник диких зверей, погибло и развалилось. Кладбище проглотило полгорода, едва не захватывая бесконечные очереди черных человечков. Райский уголок превратили в выжженный край, жители которого могли сразу становиться в другую очередь – к могилам.

В этой долине теней не было ничего, только толпы голодных людей. Вся красота, все цветущее великолепие, над которыми так долго трудилась ребятня, исчезли под беспроглядным слоем тьмы.

– Это уже не смешно, – чуть слышно буркнул Левка.

– Кто же это делает?.. – стараясь сдержать слезы, проговорил Максим. – Разве так можно шутить?

– Наверное, их много. Как бы еще они столько успели?

– Я все папке расскажу! – не выдержал Максим. – Он им так уши отдерет!

– Да ты чего, нас тогда все малявками звать будут! Родителям жаловаться – последнее дело. Тем более мы ж не знаем, на кого.

– Ну да… – вздохнул Максим. – Но мы подловим их… Подловим обязательно. А пока надо эту гадость стереть.

Этой ночью он упросил родителей разрешить ему ночевать на втором балконе – кухонном, который выходил в парк. Разобрав залежи каких-то банок и ведер, Максим приютился в импровизированном спальном мешке и стал ждать. Балкон не был застеклен, а у самого соединения пола с перегородкой располагалась щель в несколько сантиметров. Максим не понимал, для чего строители ее оставили, но любил высовывать наружу пальцы ног, когда дышал тут свежим воздухом. Теперь же это место превратилось в отличный наблюдательный пункт.

Вход в парк лежал прямо по курсу, забор из черных прутьев уходил в темноту. Свет из окон дома медленно пропадал, оставляя гореть снаружи несколько фонарей у тротуара и россыпь ламповых глаз в глубине парка. Ветер свистел в пролетах и хрустел карнизами. Ночь приходила спокойно, словно подкрадывалась. Тьму в центре парка не рассеивал и электрический свет, а округа затихала под убаюкивание насекомых.

Максим слушал писк комаров над головой и смотрел из своего укрытия на улицу. Ничего особенного там не происходило: изредка проезжали машины или местная дворняга ковыляла вслед улетающему пакету. Нарисованный город почти целиком скрывался за густыми елочными ветвями, похожими на старинные сарафаны, но часть его все же попадала в кружок света. Старшие пока не показывались, но Макс знал, что они обязательно явятся.

Внизу скрипнуло. Угол обзора не позволял разглядеть источник шума, и Максиму пришлось подняться. Легонько высунув голову над поручнем, он уставился в небольшой сад, который примыкал к дому. В тамошних зарослях что-то шевелилось, и это был не ветер.

Максим вжался в железную шкуру поручня и задержал дыхание. Ему казалось, что таким образом он точно станет невидимкой. Теперь Максу уже не хотелось никого выслеживать, потому что вдруг до него дошло, что портить рисунки могли не только старшие.

Существо продолжало шуршать в карликовых кустах. По дороге проскочил кошачий патруль, наполняя ночь отважным мяуканьем. Тогда из садовой зелени показалась голова, и даже с высоты седьмого этажа не узнать ее Максим не мог. Левка! Он, как мешок с картошкой, перевалился через невысокий забор и метнулся в парк. Макс улыбнулся, глядя на друга-разведчика, однако улыбка быстро сползла с его лица. За Левкой двинулась огромная тень, все это время дожидавшаяся под брошенным сто лет назад грузовиком. Словно масляное пятно на воде, она переплыла дорогу и вползла в парк. Вскоре темнота опоясала редкие фонари, и асфальтовая дорожка провалилась в ночь. Электрические глаза потухли, как залитые водой угли.

Не дать испортить, не дать сломать, не дать вновь развалить идеальный город, куда ушло столько трудов! Но ведь там сейчас Левка и… эта штука. В голове Максима плясали фразы, мысли, но сделать он ничего не мог. Бродя взад-вперед по балкону, мальчишка натыкался взглядом на черноту парка. Что происходило там в этот самый момент? Что происходило там с его лучшим другом?!

Наконец ноги сами потащили Макса в нужном направлении. Входная дверь была рядом с кухней, поэтому выскользнуть на улицу он сумел очень быстро. Ворчание замка и дверных

петель разбудило кого-то из родителей, но Максиму было не до этого. Он пересчитывал ступеньки вниз, стараясь за раз захватить по две штуки.

Обежав дом и выскользнув из-под защиты тротуарных светил, Макс остановился. Темнота плескалась в парке, как мутная вода в бассейне, но две фигуры, уходящие в глубину черной воронки, он все же разглядел. Одна маленькая и едва ли не прозрачная, а вторая – высоченная и нескладная, как огородное пугало.

– Левка! – крикнул Макс во тьму, подняв в воздух птиц, ночующих в тополиных кронах.

Эхо его голоса пронеслось по сумрачному парку, и фонари зажглись. Обе фигуры исчезли, на дороге возились только клубки листьев.

– Оно нас поджидало… – прошептал Макс, и по щекам поползли слезы. – Специально портило город, чтоб мы…

Откуда-то из другого мира прибежали напуганные родители. Максим пытался все объяснить, но это оказалось непросто. Ближе к утру полицейские прочесывали парк и окрестности, но, кроме заспанного бомжа, так никого и не нашли.

Максу никто не поверил. В городе стали искать маньяка, а жизнь потекла дальше.

Левкины родители почему-то перестали здороваться, но Максим не обращал на это внимания. Теперь он облюбовал кухонный балкон, хотя прекрасно знал, что тень вряд ли появится тут снова. Но, если в ночной уличной тишине раздавался шорох, Макс подскакивал на месте, а с губ летело имя лучшего друга.

Когда у Аленки наконец-то закончились слезы, ребята уселись на прогретом асфальте у своего города, ловя нитки солнечных лучей. Город стал лучше. Страшные очереди разошлись, вновь открылись магазины, а на дорогах появились автомобили. Машиниста денежного поезда теперь удавалось разглядеть: им был худой мальчишка с полупрозрачной кожей. Похожий на альбиноса.

Ни Аленка, ни Максим этого не рисовали – картинка изменилась в ту ночь. С тех пор прошла почти неделя, а город словно застыл на фотографии. В новостях крутили сюжеты о других пропавших детях, и в каждом из них Макс видел игровую площадку с рисунками на асфальте. Много ли еще повелителей мелков осталось в их городе?

– Все равно когда-нибудь дождик смоет, – грустно сказала Аленка.

– А мы новый нарисуем. А потом еще один. И еще.

– Правда?

– Конечно, – кивнул Максим, доставая коробку с мелками. – И на этот раз уже не безымянный.

Они нависли над асфальтом и стали выводить название города. Дурацкое, но зато правильное. Не просто надпись, а настоящую вывеску, которая должна встречать всех гостей.

Левкинград.

И это был не бедный и полумертвый мир, который рисовала сама ночь, а натуральный чудо-уголок. Город, в котором поезд с полными вагонами денег развозил зарплату. Город, где был самый лучший кинотеатр в мире. Город, в котором не отказался бы жить ни один человек.

Даже сам президент.

Пазл

Черная «девятка» выскочила из потока машин и на большой скорости врезалась в толпу на автобусной остановке. Оказавшиеся под колесами люди тряслись в агонии, крики наползали друг на друга. Под машиной расцветала бурая лужа.

Водительская дверь приоткрылась, и из салона выбрался рыжий мужчина в джинсах и пропитанной кровью майке.

– Твою мать! Переборщил… – Он достал из-за спины пистолет и дважды выстрелил бьющемуся в конвульсиях старику в голову. – Не мучайся, папаша. Я не со зла.

Прохожие уносили ноги, оставляя искалеченных людей умирать. Вдалеке выла сирена.

С металлическим скрежетом распахнулась пассажирская дверь. Появившийся из нее высокий черноволосый парень едва держался на ногах, вытирая разбитое лицо.

– Хватай любого! Времени почти не осталось! – заорал водитель. – А ты выползай, дебил хренов! – Он ударил по крыше автомобиля, обращаясь к тому, кто сидел внутри. – Или последние части будем собирать из тебя!

Пара машин тормознула у остановки, но пистолет рыжего быстро разогнал всех зевак.

С заднего сиденья «девятки» под теплое летнее солнце вылез двухметровый лысый амбал, все лицо которого страшными узорами разрисовывали шрамы. На нем были только спортивные шорты и шлепанцы. Девяносто процентов тела покрывала засохшая кровь. Амбал подошел к шатающемуся пассажиру и вместе с ним вытащил из-под колес автомобиля девушку. Часть ее лица была содрана, окровавленные волосы слиплись. На виске пульсировала жилка.

Погрузив тело на заднее сиденье, заляпанный кровью экипаж уже собирался залезть обратно в машину, когда послышался визг тормозов. Напротив замершего трио остановился джип, и раскаленный воздух разорвала автоматная очередь.

В следующее мгновение по изрешеченному пулями кузову «девятки» размазалось содержимое продырявленного черепа…

Двумя часами ранее

Гвоздь сидел в новенькой «ауди» и никак не мог унять дрожь в руках. Он мысленно прокручивал в голове все возможные варианты, от которых становилось только хуже. Но, по крайней мере, они оставляли шанс на жизнь, а это уже что-то. Высокий, хорошо сложенный парень с внушительной черной шевелюрой, прозванный Гвоздем, сильно облажался. А в том мире, к которому он принадлежал, проступки наказывались очень просто и отнюдь не гуманно.

Но сегодня ему повезло. Если, конечно, можно назвать везением участие в сборе Пазла. Шанс на успех микроскопический, а если и повезет, то потом придется разгребать невероятное количество проблем с законом. И все же это лучше, чем оказаться заживо похороненным в богом забытой деревне или превратиться в четвертованную секс-куклу, которой будут пользоваться при съемках подпольных порнофильмов для извращенцев.

Гвоздь зажмурил глаза. Пазл. Забава, придуманная местным царьком по прозвищу Колпачок. Под таким вот милым именем скрывался человек, которому была подчинена вся криминальная сфера Подмосковья. Влияние этого выродка расползалось и по регионам, подобно раковым клеткам, подчиняя своей власти здоровые и благополучные районы. Очень медленно, сопротивляясь из последних сил, в империю Колпачка вливалась и столица. Выражение «под колпаком» приобрело новое удручающее значение. Гвоздь работал на Колпачка два года и уже давным-давно проклял тот день, когда ступил на манящую богатством и красивой жизнью бандитскую тропинку.

В окно автомобиля постучали, возвращая из воспоминаний в реальность. Гвоздь нажал на кнопку, и боковое стекло заскользило вниз, впуская в охлажденный кондиционером салон пары прожаренного на славу дня.

– Ты, что ли, Гвоздь? – спросил рыжий мужик среднего возраста.

– Я, – ответил Гвоздь, разглядывая причудливое лицо незнакомца, на котором клочьями росла щетина.

– Ну, привет, напарничек! Я – Рыжий. – Он протянул в салон руку для пожатия. – Будем вместе Пазл собирать.

– Понятно…

Рыжий бросил взгляд на машину:

– Отличная тачила, на ней попрем?

– Не-е-е… – протянул Гвоздь. – Я все-таки надеюсь на лучшее, так что она может еще пригодиться. Жалко ее как-то… Сам знаешь, что такое Пазл.

– Ну да, ну да… Я свою тоже дома бросил. Приехал на старой «девятке» – на вид убитая, но еще о-го-го. Можно и на ней выдвинуться. В ней же хватает, скажем так, снаряжения.

– Я не против.

– Ну, тогда я за баранкой сижу.

– Лады.

Гвоздь вышел из машины и захлопнул дверь. Заглянув в багажник, достал короткоствольный автомат Калашникова и повесил его на плечо.

– Нормальная вещица, – сказал Рыжий. – А я пока с «макарычем».

– Главное, чтобы не пришлось пользоваться ими слишком часто. Интересно, кто у нас третьим будет?

– Мне насрать. Все равно рассчитывать можно только на себя. Без обид.

Гвоздь грустно кивнул. Время Пазла приближалось, напряжение росло.

– Нехеровая усадьба, ага? – спросил Рыжий, разглядывая владения Колпачка. Огромная площадь, приспособленная под стоянку, три шикарных особняка и бог знает сколько мелких строений, отданных под посты охраны, оружейные, кухни, бани и прочие необходимые для беззаботного существования босса помещения.

– Угу, чтоб я так жил…

– Ей-ей!

Повернувшись, Гвоздь увидел одного из охранников, который с улыбкой заговорил:

– Пора, ребятки. Правила вы знаете. Два часа – крайний срок. Делать можете что хотите, мусора все равно сюда не сунутся. Но за воротами они имеют полное право вас пристрелить. Выгоняйте машину за территорию – и можете отправляться. Два других экипажа уже готовы.

– Погоди-ка, – пробормотал Рыжий, лихорадочно теребя шевелюру, – нам ведь полагается третий человек.

– Он уже давно ждет, щас позову, – сказал охранник и не смог сдержать смеха. – Вам необыкновенно повезло!

Рыжий и Гвоздь сидели в черной «девятке» и задумчиво разглядывали остальные автомобили. Справа стоял наглухо тонированный джип, еще чуть правее – потрепанного вида «хонда». В этих машинах собрались такие же неудачники, мечтающие добыть себе право на существование с помощью Пазла.

– Сколько до старта?

– Пятнадцать минут. – Рыжий посмотрел в зеркало заднего вида и закашлялся, едва не выронив сигарету. – Мама дорогая, ты глянь, кто к нам чешет…

Открыв дверцу, Гвоздь встретился взглядом с полуголым качком, шагающим к «девятке».

– Кто это? – поинтересовался Гвоздь, стараясь, чтобы амбал не услышал вопроса.

– Да это же самый натуральный дебил! – заголосил Рыжий. – Тьфу! Видел его несколько раз – полнейший идиот!

Здоровяк подошел к машине со стороны водителя и открыл дверь. Одет он был словно курортник. Лицо представляло собой перекопанное шрамами кочковатое поле.

– Сереженька поедет здесь. Пазл.

– Да-да, Сереженька… – не глядя на новоиспеченного напарника, пробурчал Рыжий. – Вот что, дебила кусок, садись на заднее сиденье и помалкивай.

– Кусок, – безразлично повторил бугай и залез в автомобиль, на полу которого была разбросана целая куча металлического хлама.

– Значит, так, – продолжал Рыжий, – похоже, я тут самый старший, значит, буду главнюком. Надеюсь, возражений нет? Ну и славно. Наши действия: работаем тихо, не привлекая лишнего внимания. Ищем одиноких пешеходов, огнестрел только в крайних случаях. Слышь, недоносок, у тебя пушка есть?

Амбал поморщился, нагнулся к полу и стал разбирать ворох инструментов. Выпрямившись, он поднял внушительных размеров топор, и впервые на его обезображенное лицо заглянула улыбка.

– Без пушки. И так от-лич-но, – делая упор на гласных, отчеканил дебил.

– И за что нам такое счастье? – проворчал Рыжий, заводя мотор. – Ну, по крайней мере, с мясником в нашем пионеротряде мы определились.

– Не то слово, – буркнул себе под нос Гвоздь, разглядывая в зеркало Сереженьку, который, казалось, совсем не моргал.

Первой тронулась «хонда», рванув в город по центральной дороге. Следом очень медленно пополз джип, словно оттягивая предстоящее действо.

– А мы пойдем другим путем! – бросил Рыжий, и «девятка» покатила к трассе, которая вела не к центральной части города, а к окраине.

– Начало-о-ось… – дрожащим голосом протянул Гвоздь. – Что, соберем Пазл?

– А куда мы денемся! – Уверенность в голосе Рыжего придавала дополнительных сил.

– Пазл, – сказал дебил, пытаясь найти собственное отражение в полотне топора.

Автомобиль мчался по нагретой солнцем дороге, оставляя позади однообразные коробки домов. Движение было не слишком оживленное, и в город троица добралась достаточно быстро.

– Значит, нам нужно шесть кусочков, – Гвоздь повторял правила вслух. – И все из разных мест.

– Ага, – включился Рыжий, – а то эти долбанутые наблюдатели живо стуканут кому следует. Но я думаю, их все-таки можно обмануть.

– Наверное. Но что-то стремно так рисковать. Они ведь могут быть где угодно, а могут вообще сидеть дома и дрочить на мультики. У нас и так положение не ахти, так что лучше всего просто следовать правилам.

– Тут ты прав… Но мне интересно: на кой хер Колпачок придумал всю эту галиматью с Пазлом, если он не видит, как мы его собираем?

– Да потому что он больной, вот и все. Ему уже неинтересно просто избавляться от «косяков», ему нужно шоу. К тому же результат-то, если кто собрал, он видит. Он ведь лично проверяет Пазлы и решает, кто победил.

– Мужчина? Женщина? – подал голос Сереженька.

– Чего? Куски, что ли? Да вроде разницы никакой нет. Главное, чтобы все по науке, ну там: лево-право, верх-низ.

Рыжий одобрительно кивнул и хотел было подытожить разговор, как вдруг заметил колесящего по тротуару велосипедиста:

– Опа, вариант!

Машина обогнала старика на велосипеде и пристроилась к заросшему кустарником забору. Когда Гвоздь покидал «девятку», он почувствовал, как к горлу подступает комок.

– Извините, – начал он, когда дед подъехал совсем близко, – можно вас попросить…

Фразу не понадобилось договаривать до конца, потому что Рыжий кулаком опрокинул деда на землю. Тот, ударившись головой, не издал ни звука.

– Тащи быстрее, – бормотал Рыжий, бегло осматриваясь по сторонам, – пока не видит никто.

Гвоздь схватил старика за руку и потащил за машину со стороны багажника – подальше от взоров с детской площадки, расположенной через дорогу. Дед оказался довольно тяжелым, и Гвоздь устал уже на полпути к кустам. Но в эту минуту с заднего сиденья поднялся Сереженька и без единого слова ударом топора отсек велосипедисту левую руку. В стороны хлынула кровь, а пришедший в сознание старикан заорал в полную мощь легких. Гвоздь плюхнулся на пятую точку, удивленно сжимая отрубленную конечность. Следующий удар топора пришелся деду в голову, размозжив тому череп и заставив его замолчать навсегда.

– Твою мать! – выпалил Гвоздь. – Ты хоть предупреждай! Чуть и мне заодно руку не оторвал!

– Первый кусок, – беззаботно заметил дебил, складывая взятый у ошарашенного Гвоздя обрубок руки в багажник.

– Ладно, поехали, – торопливо произнес Рыжий, залезая в машину, – пока тут толпа не собралась.

Через мгновение автомобиль исчез за углом, оставив труп на липком от крови тротуаре.

– Ну что ж, начало неплохое! – воодушевленно изрек Рыжий.

– Хотя можно было и поаккуратнее… – добавил Гвоздь, косясь на Сереженьку, который оттирал кровь с рук. – Рыжий, а ты чем провинился?

– Ох, это очень длинная история. Если коротко – хотел кинуть серьезных людей, а получилось, что кинули меня. Ну и Колпачка соответственно. А ему это ой как не нравится. А сам-то как залетел?

– По дурости своей. Только об этом я, пожалуй, умолчу.

– Дело твое. Ты представляешь, чего натворил наш недоношенный друг? Лично я даже боюсь это вообразить.

Но дебил не проявлял никакого интереса к беседе, безучастно глазея в окно.

– Магазин! – резко выкрикнул амбал. – Ма-га-зин!

Рыжий посмотрел на приближающееся здание «круглосутки», в которое тыкал пальцем Сереженька. У входа была привязана собака непонятной породы, тут же пили пиво двое парней.

– Ма-га-зин! Ма-га-зин! – никак не унимался дебил.

– Селезенька хосет манную касу? – закривлялся Рыжий, но здоровяк уже открыл свою дверь и собирался вылезти прямо на ходу. – Да стой ты, ушлепок несчастный! Остановлю я, остановлю. Только куда ты в таком виде намылился?

Сереженька не ответил и выбрался из машины, едва та остановилась.

– Вот мудак! У нас времени – полтора часа, а он по магазинам шляется…

– Э-э-э, Рыжий?..

– Чего тебе?

– Он унес с собой топор.

Глаза Рыжего округлились, и в эту же секунду из магазина раздался дикий визг. Входная дверь распахнулась, едва не слетев с петель. Из помещения вылетела женщина с ребенком

на руках, за ней, переходя на бег, выскочили еще три человека. Привязанная у входа собака разразилась сиплым лаем, уделяя каждому посетителю отдельное внимание.

Рев всполошил всю округу, когда на пороге показался Сереженька, тянущий за волосы продавщицу в зеленой манишке. Женщина вопила что было сил, упираясь ногами и брызжа слюной. Ее седеющие локоны в руках дебила походили на веревочки, с помощью которых управляют марионетками.

С силой бросив женщину на капот, Сереженька опустил топор точно в середину ее горла. Лобовое стекло расцвело кровавыми узорами, а лежащее на машине тело задергалось, будто под действием тока. Беспорядочные крики сменились неразборчивым бульканьем. Новый удар дебила пришелся в то же место, что и первый. Этого оказалось достаточно, чтобы голова продавщицы отделилась от туловища и скатилась вниз.

Среди царящей вокруг суматохи Рыжий с трудом смог прийти в себя. Он выбрался наружу и, не замечая криков прохожих, взял забившуюся под переднее колесо голову. Затем, стараясь не смотреть на новый кусочек Пазла, быстро подбежал к багажнику, отправил туда окровавленный ошметок и юркнул обратно за руль.

Дебил уже сидел на своем месте и как ни в чем не бывало глядел в окошко. Гвоздь потерянным взором всматривался в рассекающую лобовое стекло полосу крови.

– Валим! – буркнул Рыжий и надавил педаль газа.

Машина рванула с места, сбросила обезглавленное тело безымянной продавщицы и колесами опробовала его на прочность.

– Включи дворники! – не выдержал Гвоздь. Щетки заработали, размазывая по стеклу кровь с водой. – Похоже, шифроваться нам уже бессмысленно. Что будем делать?

– Топор забыл, – грустно произнес Сереженька.

– Да пошел ты! – рявкнул на него Рыжий. – Времени все меньше, так что я предлагаю хватать первых попавшихся, только соблюдать расстояние, как в этих шизанутых правилах.

Слушал его только Гвоздь, потому что Сереженька уже копался под ногами в поисках новых орудий расчленения.

– Вот, гляди, – произнес Гвоздь, указывая на «Макдоналдс». – Подъезжай. Есть идея. И возьми что-нибудь острое.

– Ну уж нет, пускай этим занимается наш дебилушко.

«Девятка» заехала на полупустую стоянку и проследовала дальше, к указателю с надписью «Мак-авто».

– Неплохая мысль, – одобрил идею Рыжий. Затем обернулся к амбалу: – Только в этот раз без самодеятельности. Забираем руку и уматываем как можно быстрее.

Никакой очереди не было, что значительно облегчало собирателям Пазла задачу. Подъехав к первому окошку, они увидели молодого прыщавого парня, который с удивлением вытаращился на машину.

– Здравствуйте, – сказал он, разглядывая помятый капот в багровых пятнах, – что… будете заказывать?

– Чего-нибудь попить. Сушняк замучил, – стараясь улыбаться, произнес Рыжий, а поймав направление взгляда кассира, сразу добавил: – Собаку сбили только что. Здоровая дворняга попалась… Сама под колеса кинулась, бешеная небось.

Оплатив заказ, Рыжий повел машину к следующему окошку, где их встретила девушка лет двадцати. Она поздоровалась и протянула фирменный бумажный пакетик водителю, но тот неожиданно взял ее за запястье. Та смущенно улыбнулась, не заметив в своей кабинке, как из машины вылез лысый полуголый мордоворот, запачканный кровью.

– Спасибо, красавица, но это еще не все… – грустно пробормотал Рыжий и сильно потянул на себя. Оторопевшая девушка вжалась лицом в стеклянную перегородку и теперь могла

разглядеть пассажира с заднего сиденья во всей красе. Ее пальцы разжались, и на асфальт рухнули пластиковые стаканчики с газировкой. Сереженька перехватил массивной ладонью трепыхающуюся руку и принялся пилить чуть ниже плеча.

Следующие минуты округу сотрясали нечеловеческие вопли. Девушка беспорядочно дергалась и билась в забрызганное кровью стекло, пытаясь остановить мучения. В помещении мелькали ошарашенные лица сотрудников, которые не решались хоть что-то предпринять. Пила, так легко расправившаяся с мышцами и сухожилиями, с костями справлялась гораздо хуже. Несмолкающая девушка выпученными глазами наблюдала, как ее рука превращается в безобразного вида культю.

На стоянку выскочили работники ресторана, и Гвоздь открыл огонь из автомата Калашникова. Пули дырявили тела, асфальт покрывался кровью. Пахло смертью.

Когда все было кончено и очередной кусочек Пазла оказался в багажнике, автомобиль двинулся вперед, отбрасывая в стороны людей на пути. Он увозил троицу преступников на поиски следующей части головоломки.

– Черт, – сокрушался Гвоздь, – а я думал, что двух часов вполне достаточно! Нужно поторапливаться.

Рыжий не успел ничего сказать, потому что в этот момент в считаных сантиметрах слева пронеслась та самая «хонда», оторвав боковое зеркало. Следом за ней под оглушительный вой сирен промчались три милицейские машины.

– Гонщики сраные! – рявкнул Рыжий, сбавляя скорость. – Еще чуть-чуть правее, и нас бы уже не волновал никакой Пазл.

– Похоже, у них проблемы посерьезней наших.

– Ну и хорошо. Меньше конкурентов – больше шансов на победу.

Милиция открыла огонь. По шипящему асфальту запрыгали снопы искр. Из «хонды» высунулся автомат и ответил свинцовым градом.

– Осторожнее! – крикнул Гвоздь. – Держи дистанцию!

«Девятка» оставалась на небольшом расстоянии от погони, умело обходя посторонние автомобили. Те предпочитали тормозить и прижиматься к обочине. Вскоре перестрелка принесла плоды – задние колеса «хонды» с шумом лопнули, машину повело. Раздался визг шин, автомобиль развернуло на всем ходу. Головная ментовская иномарка, не успев затормозить, протаранила «хонду». Искореженная груда металла кувырком полетела на встречную полосу. В этот момент второй милицейский автомобиль, не справляясь с управлением и пытаясь уйти от столкновения, врезался в светофор. «Хонда», задев несколько встречных машин, улетела в кювет. Вспыхнуло пламя. В воздух стал подниматься легкий дымок. Третий экипаж милиции едва не влез в аварию, но успел тормознуть у обочины.

– Охереть!

– Красиво! – согласился Рыжий, останавливаясь сразу позади милицейской машины.

В это время, не говоря ни слова, из «девятки» вылез Сереженька, сжимая в руке окровавленную пилу. Бугай направлялся прямо к машине с синими номерами. Заметив это, Гвоздь выскочил следом.

– Отойди! – крикнул он и, не дожидаясь, пока дебил уберется с линии огня, нажал на спусковой крючок.

Сереженька все же успел отпрыгнуть в сторону. А вот два милиционера, прошитые пулями, так и остались сидеть в салоне.

– Сдохли? – спросил появившийся на дороге Рыжий, и Гвоздь кивнул. – Погоди секунду, нужно кое-что проверить. – И Рыжий побежал к кювету, где покоилась «хонда». Водители встречных автомобилей в ужасе поворачивали обратно. Участвовать в этой заварушке никто не хотел.

Гвоздь подошел к ментовской иномарке, обнявшей столб со светофором. Машина превратилась в ком железа, вытащить трупы из которого было под силу только спасателям со спецтехникой. Еще в одном милицейском автомобиле, застывшем прямо посередине дороги, со стонами копошилась пара человек. Вдавленная в салон морда машины проламывала кости обоим.

– Громко стреляли, – сказал неожиданно подошедший Сереженька. Его тело покрылось запекшейся кровью, но лицо выражало абсолютное спокойствие. Дебил есть дебил.

– Ваша мама пришла! – весело завопил из-за спин Рыжий. – Молока принесла!

Обернувшись, Гвоздь увидел Рыжего, волочащего на плече бесформенный кусок мяса.

– Откройте добытчику сраный багажник! Я думаю, тому фаршу в «хонде» этот кусочек не понадобится. Болваны ничего, кроме него, собрать не успели.

Гвоздь быстро подбежал к «девятке» и помог Рыжему погрузить в багажник обрубок тела – самую важную и самую затратную по времени часть Пазла.

– Отлично! – не скрывал радости Гвоздь. – Хоть так время сэкономили.

– Некогда шампусик распивать, живо в машину! Нас ждут ноги!

Отъехав несколько километров от места аварии, Рыжий вдруг резко нажал на газ.

– Ты чего?! – заволновался Гвоздь. – Разобьемся к чертовой бабушке!

– Будь что будет! – завопил Рыжий. – Пристегните ремни, ребятишки!

Он засмеялся и повел автомобиль прямиком в гущу собравшихся на автобусной остановке людей.

…по изрешеченному пулями кузову «девятки» размазалось содержимое продырявленного черепа. Рыжему снесло полголовы, и обезображенный труп рухнул на землю. Оказавшиеся позади автомобиля Гвоздь и Сереженька пользовались машиной как щитом. Пули пролетали совсем близко, вонзаясь в металлический корпус и разбивая стекла.

Обстрел прекратился, и джип с грохотом помчался прочь. Там тоже помнили об истекающем по крупицам времени.

– Не попали. Плохо стреляли, – сказал Сереженька. Оглядевшись по сторонам, он залез на заднее сиденье, проталкивая тело уже умершей девушки дальше в салон.

Гвоздь бегло осмотрел себя и, убедившись, что цел, бросился к водительской двери. Раскинувшееся на асфальте тело походило на решето. От лица остался только подбородок, кровь сочилась из многочисленных отверстий. Не задумываясь ни секунды, Гвоздь взял труп Рыжего и подтащил к задней двери. Сереженька уже стянул с девушки джинсы и примеривался пилой чуть ниже выскакивающих из крохотных трусиков ягодиц.

– Возьми его тоже. Вторую ногу у него отрежешь.

– Нельзя, – задумчиво произнес дебил, не отводя глаз от румяного зада девчонки. – Против правил.

– Да он ведь не стоял на остановке, а с нами приехал. Врубаешься? Точно так же мы могли убить всех в разных местах на оговоренном расстоянии, а кусочки собрать уже после. В одном месте. Так что помогай!

Они втащили труп на заднее сиденье, которое теперь походило на морг. Сереженька с трудом умещался тут и в полном одиночестве, а в компании двух мертвецов свобода движения испарилась окончательно.

– Времени у нас ровно на то, чтобы добраться до Колпачка, – садясь за руль, сказал Гвоздь. – Ты занимайся оставшимися частями, а я поведу. Если эта колымага заведется…

Но опасения не подтвердились. Мотор с первой же попытки издал приятное слуху урчание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.